

С. Л. Фирсов

«ЯКОРЬ СПАСЕНИЯ»

Православная Церковь
и Российское государство
в эпоху императора
Николая I

Очерки истории

Сергей Фирсов

**«Якорь спасения». Православная
Церковь и Российское
государство в эпоху императора
Николая I. Очерки истории**

АНО "Издательство СПбДА"

2021

УДК 94(47).073+281.93
ББК 63.3(2)521+86.372.24-35

Фирсов С. Л.

«Якорь спасения». Православная Церковь и Российское государство в эпоху императора Николая I. Очерки истории / С. Л. Фирсов — АНО "Издательство СПбДА", 2021

ISBN 978-5-906627-88-9

Монография посвящена анализу основных проблем, связанных с церковно-государственными отношениями в Российской империи 1825–1855 гг.: что представляла собой церковная жизнь в николаевскую эпоху, кто и как исполнял самодержавную волю в церковных делах, какие задачи стояли перед православным обществом и каким оно было. Также исследуются вопросы, могла ли Православная Церковь отвечать на вызовы времени и противостоять наступающему секуляризму и отвечала ли Российская империя эпохи Николая I своему предназначению: охранять и преумножать объявленные государственными ценностями – «православие, самодержавие, народность», – названные «якорем спасения», который должен был предохранить державу от революционных потрясений. Книга рекомендуется преподавателям и студентам богословских и светских вузов, а также всем интересующимся историей Русской Православной Церкви и историей России. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47).073+281.93
ББК 63.3(2)521+86.372.24-35

ISBN 978-5-906627-88-9

© Фирсов С. Л., 2021

© АНО "Издательство СПбДА", 2021

Содержание

Введение	7
Очерк первый. Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин	14
Очерк второй. «Православный абсолютизм»	36
Очерк третий. «Охранительная идеология» и Православная Церковь в России 1825–1861 гг.	47
Очерк четвёртый. Религиозная политика и народное благочестие в России (1825–1861 гг.)	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сергей Львович Фирсов
«Якорь спасения». Православная
Церковь и Российское государство в эпоху
императора Николая I. Очерки истории

© Издательство Санкт-Петербургской Духовной Академии, 2021

A stylized, handwritten signature in black ink. The signature is highly decorative and cursive, with large loops and flourishes. It appears to read 'S. L. Firsov'.

Введение

«Посреди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, при повсеместном распространении разрушительных понятий, в виду печальных явлений, окружавших нас со всех сторон, надлежало укрепить отечество на твёрдых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народная; найти начала, составляющие отличительный характер России и её исключительно принадлежащие; собрать в одно целое священные останки её народности и на них укрепить якорь нашего спасения»¹.

Так писал во всеподданнейшем докладе императору Николаю I в 1843 г. его министр народного просвещения граф С. С. Уваров, которому принадлежит заслуга определения главных начал государственной идеологии Российской империи: православия, самодержавия, народности. Они и назывались «последним якорем нашего спасения». Впервые о «триаде», характеризовавшейся как «вернейший залог» силы и величия Отечества, граф упомянул ещё в декабре 1832 г., после инспектирования Московского университета².

Словосочетание «якорь спасения» было употреблено неслучайно. В Новом Завете о «якоре» говорит апостол Павел в Послании к евреям: «Люди клянутся высшим, и клятва во удостоверение оканчивает всякий спор их. Посему и Бог, желая преимущественнее показать наследникам обетования непреложность Своей воли, употребил в посредство клятву, дабы в двух непреложных вещах, в которых невозможно Богу солгать, твердое утешение имели мы, прибегшие взяться за предлежащую надежду, которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий, и входит во внутреннейшее за завесу, куда предтечею за нас вошел Иисус, сделавшись Первосвященником навек по чину Мелхиседека» (Евр 6:17–20). В христианстве образ якоря означает спасение и непоколебимость, истинную веру.

Так библейский образ был использован для утверждения и обоснования идеологического credo самодержавной власти российского императора. Использование это случайным, конечно, не было. Россия являлась государством конфессионально пристрастным, где Православная Церковь являлась первенствующей, а император считался её Верховным покровителем. Конечно, и ранее, в предшествовавшие царствования, правители покровительствовали Церкви – по крайней мере, громогласно об этом заявляли, – охраняя самодержавный принцип от любых на него поползновений. И ранее империя строилась на абсолютистском фундаменте. Однако именно в царствование императора Николая I была сформулирована государственная идеология, именно во второй трети XIX в. власть почувствовала необходимость в определении и декларировании идеологических принципов и религиозных мотивов, доказывающих её легитимность.

Почему же потребовалось доказывать – или просто декларировать – и без того очевидные истины?

Вероятно, причину следует искать в личности Николая I. Страстно ненавидевший его А. И. Герцен, пытаясь нарисовать портрет самодержца, вспомнил о коллекции античных статуй, бюстов, статуэток, собранных в Ватикане Папой Римским Пием VII. По словам А. И. Гер-

¹ Десятилетие Министерства Народного Просвещения 1833–1843 гг. (Всеподданнейший доклад гр. С. С. Уварова) // Эпоха Николая I / Под ред. М. О. Гершензона. М., 1910. С. 115–116.

² См. подр.: Уваров С. С. Отчёт по обозрению Московского университета (4 декабря 1832 г.) // Сборник постановлений Министерства народного просвещения. СПб., 1875. Т. 2. Отд. 1. 1825–1839. Стб. 503–529. Следует также отметить, что в последние десятилетия многие постулаты т. н. теории официальной народности были подвергнуты критике, порой весьма резкой. Авторы новых подходов к этой теории характеризуют её «как миф, растиражированный либеральными учёными и журналистикой в борьбе с деятелями традиционалистского направления» (см. подр.: Бадалян Д. А. С. С. Уваров и журнальная борьба 1830–1840-х годов // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 203–218). Есть и более осторожная критика теории официальной народности (см., напр.: Удалов С. В. Империя на якоре: государственная идеология, власть и общество в России. Саратов, 2018).

цена, в коллекции была представлена «вся история римского падения», выраженная «бровями, лбами, зубами». Его внимание привлёк и «тип военачальников, в которых вымерло всё гражданское, всё человеческое, и осталась одна страсть – повелевать; ум узок, сердца совсем нет; это – монахи властолюбия, в их чертах видна сила и суровая воля». А. И. Герцен писал о гвардейских и армейских императорах, «которых крамольные легионеры ставили на часы к империи». В их числе писатель «нашёл много голов, похожих на Николая, когда он был без усов»³.

Не вдаваясь в подробный разбор приведённой характеристики, отметим только одну фразу – о монахах властолюбия, обладавших силой и суровой волей. Николай I, безусловно, был «гвардейским» императором, волевым и идейным. Последнее обстоятельство следует подчеркнуть особо: он искренне считал, что как помазанник должен не просто править, но нести свой крест, осуществлять свою миссию служения России, разумеется, так, как он её понимал. Названный М. О. Гершензоном «доктринёром», Николай I стремился приспособить к политической форме, к самодержавию, чётко сформулированные идеологические принципы, поступиться которыми не желал ни при каких обстоятельствах. В течение почти тридцатилетнего царствования он пытался «гнуть жизнь» под свои «формулы», «и истощался в бесплодных усилиях объять необъятное и привести жизнь в симметрический порядок»⁴.

В «порядок» он пытался привести и Православную Церковь, будучи убеждён в необходимости всячески содействовать её укреплению и процветанию. Удалось ли это ему?

Однозначного ответа дать не получается. Очевидно лишь то, что император действительно «пытался». В условиях абсолютной монархии Церковь и не могла быть самостоятельной, она должна была следовать в фарватере общей имперской политики, понимаемой в духе упоминавшейся выше «триады». Что представляла собой церковная жизнь, как развивались церковно-государственные отношения, кто и как исполнял самодержавную волю в церковных делах, наконец, какие проблемы стояли перед православным обществом и каким оно было – все эти вопросы требуют серьёзного исследования, без которого вряд ли удастся написать полноценную историю Православной Российской Церкви эпохи императора Николая Павловича.

Настоящая книга есть лишь попытка представить на суд читателя ряд очерков, знакомство с которыми облегчит работу по написанию указанной истории Церкви.

Конечно, нельзя сказать, что русской церковной проблематикой второй трети XIX в. историки не занимались. Ещё в 1902 г. был опубликован объёмный 113-й «Сборник Императорского русского исторического общества», содержащий «Материалы для истории Православной Церкви в царствование императора Николая I»⁵. «Материалы» содержали подробные историко-статистические сведения, связанные с главным и местным управлением Православной Церкви, включая обзор епархий и викариатств, в том числе и вновь учреждённых, рассказ о членах Святейшего Правительствующего Синода и синодальных обер-прокурорах, информацию о преобразованиях в ведомстве православного исповедания и т. п.

В 1915 г. увидел свет первый том «Полного собрания постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи», охватывающий первые десять лет царствования Николая I⁶. Революция помешала завершить издание, однако и те материалы, что удалось опубликовать накануне её, существенно облегчают исследователям работу над историей Церкви николаевской эпохи.

³ Герцен А. И. Былое и думы. М.; Л., 1932. Т. I. С. 50.

⁴ М[ихаил] Г[ершензон]. От Редакции // Эпоха Николая I... С. VI.

⁵ Материалы для истории Православной Церкви в царствование императора Николая I. Изданы под ред. Н. Ф. Дубровина // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1902. Т. 113.

⁶ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государя императора Николая I. Пг., 1915. Т. I: 1825 (декабря 12) – 1835 гг.

До 1917 г., впрочем, вышло несколько монографий, в которых рассматривались различные аспекты церковной жизни и проблемы церковного управления николаевской эпохи⁷. Но ни одной специальной работы, посвящённой истории Церкви в 1825–1855 г., историки создать не успели⁸.

В советское время тема, связанная с изучением религии и Церкви, не являлась приоритетной. При этом для авторов, так или иначе касавшихся «церковных» тем, обязательным условием было следование марксистской методологии и всяческое подчёркивание «антинародной сущности» церковной политики. Эмигрантские историки, свободные от идеологического давления, касались истории Церкви эпохи императора Николая I, но преимущественно в связи с иными интересовавшими их сюжетами или при рассказе о русской церковной истории в целом. Так, истории Православной Российской Церкви эпохи императора Николая I посвятил несколько страниц в «Лекциях по истории Русской Церкви» доцент богословского факультета Института Св. Владимира в Харбине Е. Н. Сумароков⁹. Но его «Лекции...» носят скорее обзорный характер, являются «справкой», позволяющей бегло ознакомиться с главными церковными деятелями эпохи и с основными мероприятиями обер-прокуратуры и Св. Синода. Совершенно по-иному рассказывается о церковной истории XVIII – начала XX вв. в фундаментальном труде И. К. Смолича, оказавшегося за пределами Родины ещё в 1920 г. и с 1950-х гг. работавшего в Восточноевропейском институте при Свободном университете ФРГ. Человек глубоких знаний, до конца дней остававшийся верующим православным христианином, И. К. Смолич много лет работал над фундаментальной «Историей Русской Церкви» Синодального периода. Первый том (на немецком языке) вышел из печати в 1961 г., второй – в 1991 г., спустя 21 год после смерти автора¹⁰. И. К. Смолич был одним из тех, кто понял, что «нервным центром истории» России, начиная с Петра Великого, становятся церковно-государственные отношения с их воздействием на все стороны церковной жизни. В соответствии с указанным подходом автор и занимался церковной историей, в том числе рассматривая и интересующую нас проблематику.

В постсоветский период интерес к истории Православной Церкви в России получил новый мощный импульс. Стали появляться серьёзные исследования, в которых затрагивались различные аспекты истории Синодальной эпохи, в том числе и второй трети XIX в. Попытку рассказать об эволюции церковно-государственных отношений в России первой половины XIX в. предпринял, в частности, петербургский исследователь Ю. Е. Кондаков¹¹. Появились работы, посвящённые проблемам религиозной политики в царствование Александра I¹² и

⁷ См., напр.: *Барсов Т. В., проф.* Святейший Синод в его прошлом. СПб., 1896; *Благовидов Ф. В.* Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия (Отношения обер-прокуроров к Св. Синоду). Опыт церковно-исторического исследования. Казань, 1900; *Руикевич С. Г.* Русская Церковь в XIX веке. СПб., 1901; *Толстой Д. А.* Иосиф, митрополит Литовский и воссоединение униатов с православной церковью в 1839 г. СПб., 1869; *Чистович И.* Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с православной церковью западно-русских униатов: обзор событий воссоединения в царствование императора Николая I. СПб., 1889; *Коялович М. О.* История воссоединения западнорусских униатов старых времен. СПб., 1873; *Шавельский Г., прот.* Последнее воссоединение с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.). СПб., 1910.

⁸ Единственной, пожалуй, работой, целиком посвящённой «церковным сюжетам» эпохи императора Николая I, была диссертация петербургского священника Николая Гурьева, так до революции 1917 г. и не опубликованная (см.: *Гурьев Н., свящ.* Обер-прокурорская власть в царствование императора Николая I // РНБ. Отдел рукописей и редких книг. Ф. 573. Оп. 2. Д. 53).

⁹ См.: *Сумароков Е.* Лекции по истории Русской Церкви. Харбин, 1945. Т. II. С. 286–298, 301–307 и др.

¹⁰ Работа И. К. Смолича была переведена и переиздана в России. См.: *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917 // История Русской Церкви. М., 1996–1997. Т. VIII. Ч. 1, 2.

¹¹ См.: *Кондаков Ю. Е.* Государство и Православная Церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб., 2003.

¹² См., напр.: *Его же.* Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825). СПб., 1998; *Вишленкова Е. А.* Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России александровской эпохи. Казань: Казанский государственный университет, 1997; *Ее же.* Духовная школа в России первой четверти XIX века. Казань, 1998.

Александра II¹³. Вновь стали анализироваться и проблемы церковной унии, ликвидированной в эпоху Николая I¹⁴. Стали защищаться диссертационные исследования, в которых рассматривались вопросы церковно-государственных отношений второй трети XIX в.¹⁵

Тогда же и автор этих строк стал заниматься изучением церковных проблем времен Николая I. В течение ряда лет я публиковал статьи, в которых рассматривались различные аспекты тогдашней церковной политики: состояние «народного благочестия» и религиозная политика Российского государства, его «охранительная идеология», отношение власти к старообрядцам, деятельность обер-прокуроров Св. Синода и состояние Св. Синода, канонизация свт. Митрофана Воронежского и личная религиозность Николая I. В конце концов стало понятно, что все эти материалы можно объединить в книгу, чтение которой может дать представление об основных «линиях» церковной жизни николаевской России, о том, насколько активно развивалась Церковь в период «апогея самодержавия», насколько и как последнее влияло на религиозную жизнь её православных подданных. К сожалению, ряд важных сюжетов, которые были задуманы, мне не удалось осветить. Среди них – историографический обзор работ, посвящённых ликвидации унии 1839 г.; описание реформ, проведённых обер-прокурором Святейшего Синода графом Н. А. Протасовым; создание социально-психологических портретов первоприсутствующих членов Св. Синода: митрополитов Серафима (Глаголевского), Антония (Рафальского), Никанора (Клементьевского).

Однако даже в случае написания перечисленных выше сюжетов книга не стала бы «Историей Православной Церкви», оставшись очерками истории. Впрочем, в том, что книга – именно очерки, есть и свои безусловные плюсы. Прежде всего, автор «очерков» не претендует на «всеохватность» избранной темы, останавливаясь только на тех проблемах, которые считает наиболее важными. Следует отметить и другой момент: в настоящее время одному исследователю достаточно трудно проанализировать все аспекты общей истории Церкви такого сложного и противоречивого времени, как время Николая I. Такой труд под силу только группе учёных – историков, социальных психологов, богословов и т. д. Остаётся надеяться, что рано или поздно сей труд появится, и публикуемые очерки станут для него некоторым подспорьем.

* * *

В данной книге помещены очерки, написанные в разное время (с 2002 г. по 2019 г.). Но расположены они не в хронологическом порядке. Мне казалось правомерным начать разговор о Православной Российской Церкви эпохи Николая I с очерка, посвящённого религиозности самого монарха, его личному отношению к вере и Церкви. Без понимания того, какую роль религия играла в жизни царя, трудно понять и психологию восприятия им собственных полномочий как «Верховного ктитора», считавшего не только возможным, но и необходимым лично участвовать в церковном управлении, определяя политику ведомства православного исповедания и по своему усмотрению назначая синодальных обер-прокуроров.

Следующий очерк – «Православный абсолютизм», посвящён анализу формирования государственной идеологии, основанной на религиозном фундаменте – той самой идеологии, что была сформулирована графом С. С. Уваровым в трёх известных словах. О том, как она сказывалась на бытии Православной Церкви говорится в третьем очерке, продолжающем и развивающем основные положения, прописанные во втором, и называемом «Охранитель-

¹³ См., напр.: *Римский С. В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ. (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999.

¹⁴ См., напр.: *Романчук А., прот.* Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности. М.; Минск, 2015.

¹⁵ См., напр.: *Федорук В. Н.* Православная Церковь и государство в России во второй четверти XIX века: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2012. Научным руководителем диссертационного исследования был автор этих строк.

ная идеология” и Православная Церковь в России 1825–1861 гг.». В данном случае представлялось необходимым несколько выйти за хронологические рамки, доведя изложение до начала Великих реформ, когда власть светская положительно решила вопрос об отмене крепостного права, поборов стародавний страх перед возможными «потрясениями». Но нашла ли она, приступая к этому великому делу, союзника в лице православных иерархов?

Вопрос не имеет однозначного ответа – всё зависит от того, с какой стороны на него посмотреть. Об этом, среди прочего, и идёт речь в третьем очерке.

Не следует, впрочем, забывать, что «официальная церковность» и «народное благочестие» (при всей условности приведённого выражения) – не одно и то же. Церковь, согласно православному вероучению, это «народ Божий», не разделённый на «учащих» и «учащихся». Именно поэтому представлялось важным далее поместить очерк о «народном благочестии», объяснив, насколько и как оно коррелировало с проводимой церковными и светскими властями религиозной политикой. Очерк называется «Религиозная политика и народное благочестие в России (1825–1861 гг.)». Как и в случае с «Охранительной идеологией», представлялось правильным, не ограничиваясь 1855 г., довести изложение до 1861-го. В очерке обращается внимание на то, что николаевская политическая система многое предопределяла, однако проявлению личной веры, личного благочестия мешала минимально.

Можно ли сказать, что тем самым политическая система «содействовала» проявлениям народного благочестия? К сожалению, данный вопрос следует признать не только некорректным, но и неразрешимым.

Впрочем, если всё-таки искать на него ответ, то следует обратиться к иным сюжетам, например, к теме возрождения Оптиной пустыни, новая страница в истории которой как раз совпала с началом николаевского царствования. Возрождению Оптиной и служению одного из главных её строителей, каковым был архимандрит Моисей (Путилов), посвящён пятый очерк книги («Архимандрит Моисей (Путилов) и возрождение Оптиной пустыни»). Не забудем: именно в царствование императора Николая I, в годы настоятельства архимандрита Моисея (Путилова) в Оптиной утвердилось старчество, и это, собственно, стало определяющим моментом в истории её возрождения. Таким образом, история возрождения Оптиной свидетельствует, что Православная Церковь в России должна нами рассматриваться не только – а, быть может, и не столько – «институционально», сколько как история не прерывавшейся «русской святости», стремления найти верный путь к Богу, путь «в Церкви» – к «Церкви».

К теме, посвящённой и «русской святости», и государственно-церковному строительству, имеет непосредственное отношение и шестой очерк: «Святой империи. К истории канонизации святителя Митрофана Воронежского в 1832 году». В нашем случае можно отметить то, что свт. Митрофан стал своеобразным символом «религиозного преемства» – от Петра I к Николаю I. Действительно, это был «святой империи», достигшей в царствование праправнука царя-реформатора своей максимальной силы и могущества. Неслучайно в официальных изданиях того времени свт. Митрофан представлялся как соратник Петра Великого и церковный деятель, способствовавший успешному развитию империи, год от года усиливавшей свою мощь и постепенно превращавшейся в сильнейшую страну христианского мира. Так выдающееся событие в жизни Российской Церкви оказалось соединено с идеологической задачей – укреплением православной государственности.

Седьмой очерк («Православное государство и русские старообрядцы-поповцы в эпоху императора Николая I») посвящён совершенно иной проблеме – тому, как Российская империя пыталась решить «старообрядческий вопрос», точнее тому, как оно этот вопрос решало. Стремясь к унификации, воспринимая старообрядцев как «ниспровергателей» и «внутренних врагов», власть действовала по-своему честно, откровенно заявляя о том, что в православном государстве не может быть православных подданных, отказывающихся подчиняться священноначалию Российской Церкви. К чему привела борьба с расколом – вопрос отдельный, его

следует рассматривать в общем контексте государственной политики и идеологии николаевского царствования.

Разумеется, чтобы понять этот «контекст» необходимо иметь представление о том, кем были высшие церковные руководители Православной Российской Церкви, составлявшие Св. Синод, а также то, что любая их «инициатива» в принципе не могла выйти за рамки синодальной модели. Осознавая это, мы не должны ставить вопрос о том, насколько они могли быть «независимыми», или как они могли проявлять собственную «независимость» перед обер-прокурором, чья власть и влияние на ход дел в духовном ведомстве постепенно, но неуклонно возрастали. Чтобы показать это, восьмой и девятый очерки посвящены соответственно историко-социологическому анализу членов Св. Синода 1825–1855 гг. (очерк восьмой – «Святейший Правительствующий Синод в эпоху императора Николая Павловича»), а также социально-психологической и политической характеристике синодальных обер-прокуроров (очерк девятый – «Око государево. Обер-прокуроры Святейшего Правительствующего Синода в эпоху императора Николая Павловича»).

Последний очерк – «Отчёты обер-прокуроров Святейшего Правительствующего Синода эпохи императора Николая Павловича как источник по истории Православной Российской Церкви» – позволяет понять, что представляла собой Церковь с «формальной» точки зрения. В очерке приводятся многочисленные статистические данные о числе православных подданных, о строительстве новых храмов и монастырей, о численности монашествующих, священно- и церковнослужителей, о том, сколько человек приняли православие и о многом другом. Статистика, как известно, обоюдоостра: всё зависит от того, с какой стороны к ней подойти и как на неё посмотреть. «Формальные» показатели при ближайшем их рассмотрении оказываются вовсе не доказательством блестящего положения Церкви в империи, а скорее наоборот. Однако в этом не следует видеть «нерадение» или «злой умысел» руководителей обер-прокуратуры, их соратников и подчинённых. Просто развитие Церкви (как институции) не успевало за развитием общества (например, вновь строившиеся храмы не могли принять существенно возросшее число православных, их требовалось гораздо больше, чем могло построить и строило государство). Не хватало и священников (хотя цифры представителей духовенства впечатляли). Иначе говоря, «внешнему величию» явно не доставало «внутренней основательности», а «форма» церковного строительства заслоняла «содержание» церковного делания.

Большинство работ, помещённых в настоящей книге, были ранее опубликованы в журнале «Церковь и время»¹⁶, некоторые – в других изданиях¹⁷. При подготовке настоящей книги все ранее изданные в научных журналах работы были заново отредактированы. Следует указать, что в очерках встречаются, хотя и нечасто, определённые повторы. Однако, как представляется автору, они не влияют на восприятие книги в целом, ибо не являются «механическим заимствованием» материалов из одной статьи для другой.

¹⁶ Фирсов С. Л. Архимандрит Моисей (Путилов) и возрождение Оптиной пустыни // Церковь и время. 2002. № 4 (21). С. 185–207; *Его же*. Религиозная политика и народное благочестие в России (1825–1861) // Там же. 2005. № 1 (30). С. 200–240; *Его же*. Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин. Штрихи к социально-психологическому портрету // Там же. 2010. № 3 (52). С. 151–192; *Его же*. Святейший Правительствующий Синод в эпоху императора Николая Павловича // Там же. 2017. № 2 (79). С. 209–261; *Его же*. «Око Государево»: обер-прокуроры Святейшего Синода в эпоху императора Николая Павловича. Штрихи к портрету // Там же. 2019. № 2 (87). С. 135–231.

¹⁷ *Его же*. «Охранительная идеология» и Православная Церковь в России 1825–1861 гг. // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании современной России (от истоков к современности). Сборник статей. СПб., 2004. Вып. 1. С. 142–172; *Его же*. «Православный абсолютизм» Светская власть и православная церковь в эпоху императора Николая I // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6 (Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения). Вып. 4. 2004. [2005]. С. 36–43; *Его же*. Православное государство и русские старообрядцы-поповцы в эпоху императора Николая I // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. (Философия, культурология, политология, право, международные отношения). Вып. 1. 2009. С. 6–15; *Его же*. Святой империи. К истории канонизации святителя Митрофана Воронежского в 1832 году // Христианское чтение. 2020. № 4. С. 184–198; *Его же*. Отчёты обер-прокуроров Святейшего Правительствующего Синода эпохи императора Николая Павловича как источник по истории Православной Российской Церкви // Там же. 2020. № 5. С. 180–199.

Завершается книга приложением, в котором помещены два материала. Первый – акт освидетельствования мощей свт. Митрофана Воронежского, составленный в апреле 1832 г. Акт освидетельствования публиковался однажды – в «Макарьевских чтениях», изданных незначительным тиражом в Можайске в 1998 г. Второй – «Материалы для биографии графа Протасова», был составлен вскоре после кончины обер-прокурора. Ранее эти «Материалы» не публиковались и были известны только узкому кругу специалистов, которые, к тому же, не имели чёткого представления об их авторе (ныне авторство удалось установить).

Итак, эта книга о том, была ли Православная Церковь способна отвечать на вызовы своего времени, могла ли она противостоять наступавшему секуляризму, была ли в состоянии Российская империя эпохи Николая I отвечать своему предназначению – охранять и приумножать православные ценности, объявлявшиеся ценностями государственными, называя «православие, самодержавие и народность» тем самым «якорем спасения», который должен был предохранить державу от революционных потрясений. Насколько удалось найти ответы на эти вопросы, либо внятно их сформулировать – пусть судит благосклонный читатель.

Очерк первый. Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин

Штрихи к социально-психологическому портрету

Внутренний мир каждого человека есть тайна, разгадать которую чрезвычайно непросто, если вообще возможно. Тем более сложна реконструкция религиозных переживаний, чувств, эмоций. Не всегда даже сам человек – «носитель» этих переживаний – может понять и объяснить, как и почему он отдает предпочтение одним «формам» и игнорирует другие. И это вполне закономерно, ибо слишком много составляющих, которые необходимо учитывать: рождение в определенной религиозной среде, полученное или не полученное в детстве религиозное воспитание, знание или незнание конфессиональных традиций, фактор времени, и много-много другого. В подобной ситуации большинство предпочитает не искать ответа на вопрос о глубинном смысле своей религиозной жизни, а просто жить, в идеале не слишком отклоняясь от того, в чем общее мнение признает норму и пример для подражания. И все-таки следование по этому пути у каждого проходит по-своему. Из суммы мелочей постепенно формируется индивидуальность, религиозная составляющая которой может обозреваться исследователем с большей или меньшей полнотой. Данное обозрение (с учетом заявленного выше) не должно претендовать на безусловность, но отказ от проведения поставленной социально-психологической задачи – если исследователь полагает корректным ее ставить – был бы ошибкой. В конце концов, без понимания религиозных оснований жизненных мотиваций человек, особенно выдающийся, никогда не может быть понят и, следовательно, адекватно оценен.

Сказанное относится и к русским монархам имперского периода, чья религиозность изучена с разной степени полнотой. Если о Николае II, последнем самодержце России, в интересующем нас ключе много писали и пишут, то о его венценосных предшественниках такого не скажешь. Разумеется, успешно изучалась церковная политика и история, церковно-государственные отношения, проблемы канонического устройства Церкви в Синодальный период и т. д., но не личная религиозность императоров. А этот вопрос, полагаю, имеет большую самостоятельную значимость. Ведь русский император был не только самодержавным государем, располагавшим абсолютной властью, но и Верховным ктитором Православной Российской Церкви. Насколько личная религиозность самодержца влияла на его отношения к этим «криторским» полномочиям, да и влияла ли?

Дать ответ можно, лишь изучив вопрос о религиозности императора. В нашем случае – императора Николая I, в официальной дореволюционной историографии именовавшегося Незабвенным. На протяжении ряда лет занимаясь исследованием отдельных вопросов, связанных с церковной политикой его эпохи¹⁸, я пришел к выводу о невозможности игнорировать вопрос о религиозности этого самодержца (тем более, что опыт исследования религиозных взглядов его самодержавного правнука Николая II у меня уже имелся). Однако, если последний самодержец, в 2000 г. канонизированный Русской Церковью как страстотерпец и

¹⁸ Фирсов С. Л. Архимандрит Моисей (Путилов) и возрождение Оптиной пустыни // Церковь и время. 2002. № 4 (21). С. 185–207; *Его же*. «Охранительная идеология» и Православная Церковь в России 1825–1861 гг. // Философия и социально-политические ценности консерватизма в общественном сознании современной России (от истоков к современности): Сб. статей. СПб.: СПбГУ, 2004. Вып. 1. С. 142–172; *Его же*. Религиозная политика и народное благочестие в России (1825–1861) // Церковь и время. 2005. № 1 (30). С. 200–240; *Его же*. «Православный абсолютизм». Светская власть и православная церковь в эпоху императора Николая I // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6 (Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения). Вып. 4. 2004. [2005]. С. 36–43; *Его же*. Православное государство и русские старообрядцы-поповцы в эпоху императора Николая I // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6 (Философия, культурология, политология, право, международные отношения). Вып. 1. 2009. С. 6–15.

мученик, в православной традиции всегда рассматривался как глубоко верующий, мистически настроенный человек – хотя оценка подобной настроенности могла и не быть однозначной, – то Николай I никогда не характеризовался таким образом. Разумеется, никто из писавших на эту тему историков Церкви не подвергал сомнению личную религиозность монарха, но особо акцентировать на ней внимание читателей также не считал необходимым¹⁹.

Правомерно ли это? Полагаю, что не вполне, ибо Николай I – это *прежде всего* религиозно ориентированный самодержец, для которого идея власти, олицетворением которой он себя осознавал, существовала неразрывно с идеей Бога. Насколько одно вытекало из другого и каким образом сказывалось на церковной политике его времени, можно лучше понять, разобравшись в вопросе о Николае I как православном государе.

Не будет особым открытием констатация того, что история – наука чрезвычайно субъективная. От позиции ученого часто зависит то, каким образом расставлены акценты, меняющие очевидные для современников изучаемого им события или персоны «плюсы» на «минусы» и наоборот. Особенно субъективизм проявляется, когда ученый является и современником своего «героя» или эпохи. Николаю I в этом отношении досталось, пожалуй, больше, чем какому-либо другому монарху XIX столетия. Его эпоха стала притчей во языцех (как и он сам) для большинства русских (и не только) исследователей еще до революции 1917 г. А в советский период о нем иначе, чем о «коронованном жандарме» официальная историография говорила крайне редко.

Не любил императора и В. О. Ключевский, в отношении дворянства настроенный крайне скептически. Скептически относился он и к большинству самодержавных представителей Дома Романовых. Николай I не был исключением. По В. О. Ключевскому, этот царь «требовал добродетельных знаков, не зная, как добиться самих добродетелей», был «военный балетмейстер и больше ничего»²⁰. Слишком характерное уточнение – «больше ничего». А на «нет» и сказать, получается, нечего. За символом власти историк не желал видеть личность ее носителя, полагая, что «наши цари были полезны, как грозные боги, бесполезны и как огородные чучелы». Вырождение авторитета власти он усматривает в эпохе, связанной с правлением сыновей императора Павла I. «Прежние цари и царицы – дрянь, – полагал В. О. Ключевский, – но скрывались во дворце, предоставляя эпическо-набожной фантазии творить из них кумиров. Павловичи стали популярничать. Но это безопасно только для людей вроде Петра I или Ек[атерины] II. Увидев Павловичей вблизи, народ перестал считать их богами, но не перестал бояться их за жандармов. Образы, пугавшие воображение, стали теперь пугать нервы»²¹.

Заявление В. О. Ключевского следует признать скорее типичным для русской интеллектуальной среды, чем «случайным», вырвавшимся «сгоряча». Что поделать! Образ «жандарма» обыкновенно ассоциировался у интеллектуалов того времени именно с Николаем I. Деспотом по природе, воплощенной реакцией называл его и учитель Ключевского С. М. Соловьев, убежденный в том, что царь был «страшный нивелировщик: все люди были перед ним равны, и он один имел право раздавать им по произволу способности, знания, опытность в делах». Считая это нечестивым *посягновением на права Бога*, С. М. Соловьев указывал на то, что император окружал себя посредственностями и совершенными бездарностями, до смерти не переставал ненавидеть и гнать людей, выдававшихся из общего уровня по милости Божией. Более того, по мнению историка, Николай I желал иметь возможность «одним ударом отрубить все головы, которые поднимались над общим уровнем»²². Олицетворявший «бездну материа-

¹⁹ Исключением из этого правила можно считать апологетическую статью историка русского зарубежья Н. Д. Тальберга: см.: *Тальберг Н. Д. Христианин на престоле. (К столетию со дня кончины императора Николая I) // Император Николай Первый. Николаевская эпоха. Слово Русского Царя. Апология Рыцаря. Незабвенный. М., 2002. С. 722–729.*

²⁰ *Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 365, 371.*

²¹ *Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 395.*

²² *Записки Сергея Михайловича Соловьева. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других. Пг., б./г. С. 116–117.*

лизма» и любивший только «бездушное движение войсковых масс по команде», соловьевский Николай I предстает «посягателем» на Божеские права и, следовательно, человеком религиозно слепым.

Не будем спешить с оценками услышанного, но запомним мотивацию. Деспот, не терпевший свободы и, таким образом, попиравший человеческую личность. Даже крайне осторожный Е. М. Феокистов, в эпоху Александра III занимавший кресло начальника Главного управления по делам печати, в своих воспоминаниях вынужден был повторить некоторые сентенции С. М. Соловьева, в частности о гнете, тяготевшем над умственным движением в николаевское время и о «мнимом консерватизме» тридцатилетнего царствования. Посему, по мнению Е. М. Феокистова, в тот период «все образованные люди отличались более или менее либеральным образом мыслей»²³. В таком же духе писал и цензор А. В. Никитенко, видевший главный недостаток царствования Николая Павловича в том, «что все оно было – ошибка. Восставая целые двадцать девять лет против мысли, он не погасил ее, а сделал оппозиционную правительству»²⁴. Восстание против мысли – суровое обвинение, выдвигавшееся современниками и историками против Николая I, игнорировать которое было бы неправильно. Тем более, что приведенные слова принадлежат не явным оппозиционерам типа А. И. Герцена, а вполне благонамеренным подданным российской короны. В чем же было дело? Почему император воспринимался столь однозначно и критиковался столь немилосердно? Может, потому, что писавшие о нем не смогли увидеть и понять основные побудительные мотивы, руководившие в течение жизни действиями императора? Воспринимая Николая Павловича как олицетворение машины подавления инакомыслия и нарушителей установленного «порядка», они не желали признавать у государя высших христианских мотиваций. Конечно, они были далеки от того, чтобы вслед за Ф. Энгельсом называть грозного императора самодовольной посредственностью «с кругозором ротного командира», человеком, принимавшим «жестокость за энергию и капризное упрямство за силу воли»²⁵, но назвать их оценки положительными вряд ли удастся.

Однако не будем спешить с констатациями и превращать прежнюю критику в банальную апологетику «оклеветанного» монарха (тем более, что подобные операции в последнее время проделываются достаточно часто). Постараемся представить, что лежало в основании религиозности Николая I и, быть может, поняв это, откажемся как от роли исторического «прокурора», так и от потребности брать на себя «адвокатские» функции.

Будущий император родился 25 июня 1796 г. в Царском Селе и был последним внуком Екатерины II, появившимся на свет при ее жизни. Правда, Екатерина изменила своему обыкновению и лично не присутствовала при родах своей невестки, но, вероятнее всего, причину этого следует искать в преклонных годах самодержицы. Однако после рождения великого князя Екатерина II прибыла на половину сына и ее духовник протоиерей Савва Исаев совершил молитву над новорожденным, которого нарекли Николаем в честь святителя Мирликийского. В царствующем Доме таким именем до рождения великого князя никого не называли.

Вскоре, 6 июля, совершилось и его крещение. Любопытно, что форма повестки, разосланной по сему случаю, претерпела некоторые изменения: приглашались не конкретные лица, а кто пожелает – из первых пяти классов обоюбого пола. Крещение совершил духовник Екатерины, ранее совершавший молитву над новорожденным. По традиции, соблюдавшейся вплоть до последнего царствования, во время совершения таинства отца крещаемого в церкви не было – он появился позже. Императрица по состоянию здоровья также не участвовала лично

²³ Феокистов Е. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. М., 1991. С. 125, 166–167.

²⁴ Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». Записки и дневники. СПб., 1904. Т. I. С. 553. Запись от 27 февраля 1859 г.

²⁵ См.: Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1937. Т. XVI. Ч. 2. С. 24.

в обряде крещения, но присутствовала, помещаясь на хорах придворной церкви²⁶. Иерархами и иереями был совершен благодарственный молебен. Затем родителям членами Св. Синода и духовенством было принесено поздравление, а духовник императрицы отслужил литургию, во время которой великий князь Александр Павлович, старший брат и воспреемник, поднес младенца для приобщения Св. Таин и возложил на него знаки ордена Андрея Первозванного²⁷.

На рождение Николая Павловича откликнулся поэт Г. Р. Державин, написавший панегирик:

Блаженная Россия!
Среди твоих чудес
От высоты святых
Еще залог Небес
Прими и веселися,
Сугубым блеском осветися!
Се ныне дух Господень
На отрока сошел;
Прекрасен, благороден
И как заря расцвел
Он в пеленах лучами.
Дитя равняется с царями,
Родителям по крови,
По сану – исполин,
По благодати, любви,
Полсвета властелин
Он будет, будет славен,
Душой Екатерине равен²⁸.

Державин оказался провидцем: дитя со временем оказалось «равным с царями». Но до этого момента было почти тридцать лет, в течение которых Николай Павлович сформировался как личность, как *идейный носитель* самодержавной власти. Его политическая репутация оказалась навсегда связанной с самодержавной идеей, в основании которой лежал принцип служения – подданных государю, а государя – империи и, следовательно, подданным. Другое дело, как понимал этот принцип сам Николай Павлович. Но об этом речь пойдет отдельно. Сейчас следует обратить внимание на иные моменты.

Во-первых, крестивший великого князя протоиерей Савва Исаев в дальнейшем не стал его наставником: духовником отец Савва оставался лишь до кончины Екатерины II.

Во-вторых, воспреемники великого князя – будущий император Александр Павлович и великая княжна Александра Павловна – также не стали для него «учителями веры» (что, впрочем, особого удивления вызывать не должно): соблюдение установленных Церковью правил (для крестных) и участие в крещении члена Императорской Фамилии практически никогда не связывались и являлись по большей части данью традиции. Но следование установленным правилам было в царской семье обязательным.

²⁶ Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно // Николай Первый и его время. Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. М., 2000. Т. 1. С. 69–70.

²⁷ См. подр.: Корф М., барон. Материалы и чтения к биографии императора Николая I и к истории его царствования. Рождение и первые двадцать лет жизни (1796–1817 гг.) // Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1896. Т. 98. С. 6–9.

²⁸ См.: Корсаков А. Н. Детство и отрочество Николая Павловича // Русский архив. 1896. № 6. С. 280.

Первым молитвам по-русски его обучила воспитательница англичанка мисс Лайон. С самых ранних лет великий князь полюбил церковное пение, но, по мнению даже официального биографа, его «охота к церковному пению еще не доказывала расположения к молитве». Во время богослужения он был невнимателен – дежурные кавалеры отмечали в виде особенных исключений те дни, когда во время службы великий князь вел себя «внимательней обыкновенного». Николая Павловича и его младшего брата Михаила всегда водили на воскресную службу и на «всякий большой праздник». Обычно они стояли на хорах. Первое причастие он получил 21 февраля 1803 г., неполных семи лет. Это событие было предварено беседой с духовником царской семьи протопресвитером Павлом Криницким. Тогда духовник рассказал ему о значении и употреблении крестного знамения, о необходимости молиться Богу, о важности молитвы «Отче наш», о ее содержании и разуме. Биографы отмечают эту пятнадцатиминутную беседу как первый урок Закона Божия для Николая Павловича. Великий князь, таким образом, был подготовлен к причастию, хотя исповедовался первый раз, вероятно, в следующем, 1804-м, году. С тех пор в приходно-расходных книгах, в каждом марте, появлялась статья: «Выдано, по повелению Ее Императорского Величества Императрицы Марии Федоровны, духовнику Павлу Криницкому, за исповедь, 200 рублей». Николай годы спустя, вспоминая свое церковное воспитание, говорил барону М. А. Корфу, что в отношении религии его детям «лучше было, чем нам, которых учили только креститься в известное время обедни, да говорить наизусть разные молитвы, не заботясь о том, что делалось в нашей душе»²⁹.

Полагаю, это признание можно считать своеобразным упреком своему первому религиозному наставнику – протопресвитеру Павлу Криницкому. Но был ли он виноват? Дворянин по рождению, закончивший Киевскую духовную академию и в течение восьми лет служивший священником в Париже, этот клирик прекрасно знал и понимал традиции высшего общества. Неслучайно уже в 1799 г. он был назначен законоучителем детей императора Павла I, а при Александре I стал придворным клириком (в 1803 г.) и старшим над придворным духовенством (в 1806 г.). Два года спустя, 3 апреля 1808 г., отец Павел становится духовником императора и членом Св. Синода. В дальнейшем, после кончины Александра I, он остался духовником его матери, а после ее кончины титуловался «бывшим духовником покойной государыни императрицы»³⁰. Будучи человеком влиятельным, отец Павел, однако же, сторонился каких-либо церковных и околоцерковных интриг, предпочитая довольствоваться тем, что имел. Его уважали, но какой-то особой близости к особе императора (вначале Александра I, затем его наследника и брата Николая I) у отца Павла не было.

Совершенно иным было отношение императора Павла I к другому придворному клирику – протопресвитеру Николаю Музовскому. Являвшийся духовником императора Николая I и его семьи, членом Св. Синода и Комиссии духовных училищ, главой придворного духовенства и обер-священником Гвардейского корпуса, он оказывал заметное влияние на церковное управление³¹. Кем был этот человек? Прежде всего, он был образованным священником, много лет проведенным за границей. Он служил в Турине и в Венгрии (в Иреме), где носил черный фрак и ничем не напоминал русского «батьюшку». Его уважали местные жители, крестьянам-протестантам он читал Евангелие на немецком языке, а по праздникам принимал православных сербов.

В Венгрии скончалась его жена, и вскоре он вернулся в Россию, получив назначение законоучителем в Царскосельский лицей (где служил пять лет, с 1811 по 1816 гг.). Отец Николай преподавал также в столичной духовной семинарии, и с 1814 г. состоял членом Россий-

²⁹ Корф М., барон. Материалы и чтения к биографии императора Николая I... С. 48–49.

³⁰ См. подр: С. Г. Р. Криницкий Павел Васильевич // Русский биографический словарь. СПб., 1903. Кнаппе – Кюхельбекер. С. 444.

³¹ Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917... Т. VIII. Ч. 1. С. 385.

ского Библейского Общества. В 1817 г. он сопровождал принцессу Шарлоту, невесту Николая Павловича, в ее путешествии из Берлина в Петербург. Именно он давал ей первые уроки русского языка и научал основам православного вероучения. Очевидно, это обстоятельство и сыграло решающую роль в деле назначения отца Николая духовником императора Николая I. Самозабвенно любившему военное дело самодержцу соответствовал и духовник, руководивший по совместительству военными пастырями. Показательно, как, находясь на вершине церковно-иерархической власти, доступной для белого священника, сам протопресвитер себя аттестовывал: «Святейшего Правительствующего Синода Член, Их Императорских Величеств Духовник, Главного Штаба Гвардейского и Гренадерского Корпусов Обер-Священник, Протопресвитер и Орденов: Св. Александра Невского с алмазными украшениями, Св. Владимира 2-го класса большого креста, Св. Анны 1-й степени с Императорскою короною и Прусского Красного Орла 3-й степ[ени] Кавалер, Николай Музовский»³².

Показательно, что духовник императора в официальных бумагах называл себя кавалером, хотя всего три десятилетия назад, в эпоху императора Павла I, митрополит Московский Платон (Лёвшин), награжденный самодержцем орденом, заявлял, что желал бы «умереть архиереем, а не кавалером»³³! Времена изменились, и то, что казалось недопустимым ранее, теперь вызывало искреннюю гордость. По мнению Р. Уортмана, «ордена должны были превратить государственную службу дворян в христианское служение, в котором император выступает и первосвященником и государем»³⁴. Награжденные иерархи, таким образом, становились дворянами. Кроме того, награда была символом благоволения монарха, который желал отличать своих подданных наградами, нимало не считаясь с их на этот счет представлениями. Можно ли считать данное обстоятельство прилагательно к духовенству чем-то вопиющим?

Думаю, что так рассуждать было бы неправильно. Ведь император Николай I, как и его отец, рассматривал свою власть в качестве религиозной санкции, полученной свыше. Без учета этого обстоятельства любые суждения на тему о православном мировосприятии монарха окажутся лишены оснований. Тягостные дни междуцарствия и восстание декабристов навсегда остались скорбным воспоминанием для Николая I, получившего корону в совершенно ненормальной ситуации. С тех пор и до гробовой доски император не уставал подчеркивать свою веру в Провидение. Это отмечает и Н. Д. Тальберг, вынужденный, правда, подчеркивать, как в течение всей жизни монарх, глубокая вера которого *созрела самостоятельно*, не мудрствуя, «полагался на всеблагий Промысел Божий. Священными, – пишет Н. Д. Тальберг, – оставались для него всегда слова молитвы Господней: “Да будет воля Твоя”»³⁵.

Обратим внимание на выражение о «самостоятельном созревании» веры. Оно никак не комментируется, но зная, что император был далек от мистических увлечений старшего брата, чей романтизм пришелся ему не по вкусу, можно предположить, что речь идет о самостоятельном понимании Николаем I основных принципов веры, разумеется, прилагательно к монаршим обязанностям. Еще в 1920-х гг. Г. И. Чулков заметил, что Николай I не хотел оправдывать самодержавие мистически, поскольку ему казалось опасным вступать на эту зыбкую почву. «Опыт брата доказывал, – писал Г. И. Чулков, – как легко впасть в жестокие противоречия с самим собой, если искать для политики высшей Божественной санкции. Само собою разумеется, он не мог отказаться от официального признания, что власть сама по себе “священна”, но ему вовсе не хотелось углубляться в эту опасную тему. Для этого он был слишком трезвым реалистом». Посему, полагает Чулков, Николай I и прогнал Магницкого с Руничем, а также

³² См.: Протопресвитер Николай Васильевич Музовский. URL: <http://hungary.orthodoxy.ru/detail/muzovsky.htm> (дата обращения: 26.05.2021).

³³ *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. М., 1991. Т. II. С. 555.

³⁴ *Уортман Р. С.* Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. С. 240.

³⁵ *Тальберг Н. Д.* Христианин на престоле... С. 722–723.

«сократил» архимандрита Фотия (Спасского). «Он понял, что можно управлять страной и без этих беспокойных и назойливых претендентов на какое-то особенное знание сокровенных тайн монархии. Николай не любил философии»³⁶.

Максимализм выводов Чулкова, конечно, не в последнюю очередь был продиктован тем временем, когда он писал свою работу, но одно следует отметить: замечание относительно «Божественной санкции» для политики, которую Николай, в отличие от Александра I якобы не желал искать, излишне категорично. Дело не в том, «искал» Николай I эту санкцию или нет, а в его отношении к собственным прерогативам, воспринимавшимся им однозначно и предполагавшим ясное осознание того, что Бог всегда пребывает с ним и с Россией. Это убеждение, кстати сказать, даже нашло отражение в двух высочайших манифестах – от 14 марта 1848 г. (по поводу революционных событий в Европе) и от 11 апреля 1854 г. (о войне с Англией и Францией). «Разумеете, языцы, и покоряйтесь: яко с нами Бог!» – говорилось в первом; и «С нами Бог! никто же на ны!» – утверждалось во втором³⁷.

Далеко не все приветствовали подобное использование ссылок на Бога. Мыслитель русского зарубежья П. К. Иванов, например, считал даже, что Николай I был полон «антихристовым духом превозношения», для иллюстрации приведя соответствующий рассказ. «Однажды на больших маневрах под Петербургом он выехал перед строем далеко вытянувшихся войск и скомандовал: “С нами Бог, против нас никто. Вперед!” И поскакал. За ним двинулась и вся громада войск... Это бесцельное движение военной силы, – комментировал уже от себя П. К. Иванов, – в расстроенном гордостью уме императора казалось ему угрозой всему свету; но здесь ничего не было, кроме кощунственной игры с выражением “С нами Бог!”. Севастопольский разгром и мрачное уныние, в которое впал имп[ератор] Николай перед смертью (изображенное фрейлиной Тютчевой в дневнике), было ответом судьбы на это кощунство»³⁸.

Но то, что П. К. Иванову казалось кощунством и игрой со святыней, для Николая I было убеждением и религиозно-политическим *stredo*. Насколько оно было оправданно и церковно осмысленно – судить трудно. Бог и царь для императора всегда воспринимались в неразрывной связи, а обряд венчания на царство воспринимался им мистическим союзом, заключенным навек. В этом смысле, полагаю, правомерно называть Николая I мистиком. Но только в этом.

13 июля 1826 г., в день казни пятерых декабристов, на Сенатской площади состоялся благодарственный молебен. Первая, трагическая страница царствования Николая I была, наконец, перевернута. Спустя полтора месяца, 22 августа, в Москве состоялась коронация. Обряд совершил митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Серафим (Глаголевский; 1757–1843) при участии митрополита Киевского и Галицкого Евгения (Болховитинова; 1767–1837) и архиепископа Московского и Коломенского Филарета (Дроздова; 1782–1867), в тот же день награжденного белым митрополичьим клобуком. В коронационных торжествах приняли также участие епископ Рязанский Филарет (Амфитеатов; 1779–1857), тогда же возведенный в сан архиепископа, епископ Смоленский и Дорогобужский Иосиф (Величковский; 1773–1851), епископ Владимирский и Суздальский Парфений (Чертков; 1782–1853), епископ Тульский и Белевский Дамаскин (Россов; 1778–1855). Разумеется, был и духовник царя протопресвитер Николай Музовский, прочитавший благодарственные по Святом Причащении молитвы. Перед коронацией, на паперти Успенского собора, московский святитель Филарет произнес речь, тронувшую монарха до слез. Ассистентами государя были братья: старший – цесаревич Константин Павлович, и младший – великий князь Михаил Павлович. Знаковым событием, на

³⁶ Чулков Г. И. Императоры. М., 1991. С. 191.

³⁷ Душенко К. Цитаты из русской истории. Справочник. М., 2005. С. 218, 219.

³⁸ Иванов П. Тайна святых. Введение в Апокалипсис. М., 1993. Т. II. С. 551.

которое обратили внимание современники, стало принятие шпаги у приступавшего к причастию Николая I его старшим братом – отказавшимся от престола Константином Павловичем³⁹.

К участию в торжествах был привлечен и народ, чье активное одобрение прозвучало после церемонии. Кульминацией стал момент возвращения Николая I в собор, когда он, дойдя до верхней ступеньки Красного крыльца в Кремле, остановился, повернулся лицом к толпе и трижды, в разные стороны, поклонился ликовавшему на площади народу. В последующие годы, бывая в Москве и участвуя в кремлевских процессиях, Николай I обыкновенно совершал тройной поклон. «Кланяясь, – полагает Р. Уортман, – царь признавал в любви народа источник своей неограниченной власти, но риторика текста тут же превращала народную любовь в историческое оправдание абсолютной монархии»⁴⁰. Все просто и очевидно: «император имманентен нации, а нация имманентна самодержавию и императору». При этом Уортман утверждает, что превосходство императора было моральным, а не метафизическим или эстетическим: он «поддерживал свое господство самодержца, не вознося себя в небесные сферы, а принижая своих подданных»⁴¹. Это достаточно распространенное мнение, к анализу которого мы вернемся через несколько строк. Важнее отметить иное: у современников Николая I относительно «сфер» было несколько иное представление.

Так, вспоминая коронацию, некоторые из них обращали внимание на настроение монарха: «Сумрачный до коронования, он просиял от сошедшей на него с короной Божьей благодати; он, казалось, слышал с неба голос: “Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение!”». Люди, видевшие его входящим в храм до коронации и затем выходящим после совершения ее, не могли надивиться происшедшей в нем перемене; он весь преобразился, твердо и уверенно выступал с лицом строгим; он повелительно смотрел – озаренный Св. Духом»⁴².

Характерное наблюдение, помогающее увидеть принципиальные черты характера Николая I как самодержца и оценить фразу о его «самовозношении». Понимавшие, но категорически не принимавшие подобной логики исследователи (например, тонкий и глубокий историк Ю. В. Готье) поэтому и называли этого императора фанатичным жрецом и, одновременно, свое-образным поэтом неограниченной власти государя. «Всеми своими словами и действиями он проводил мысль, что государь, т. е. он, несоизмерим ни с одним человеком в его стране, что он как земной бог, воле которого никто не дерзает перечить, или, по крайней мере, полновластный командир воинской части, связанной безответной дисциплиной. Проникнув насколько возможно в его внутренний мир, далекий наблюдатель выносит убеждение, что он искренно верил в тот кумир, который сам себе создал. Самодовление и поклонение себе, как земному богу, было основною чертою императора Николая I, как правителя»⁴³.

Почти о том же в своих воспоминаниях писала и фрейлина Двора Николая I А. Ф. Тютчева, имевшая возможность лично общаться с государем. По ее словам, самодержавие милостью Божией было для него догматом и предметом поклонения, и Николай I «с глубоким убеждением и верой совмещал в своем лице роль кумира и великого жреца этой религии – сохранить этот догмат во всей чистоте на святой Руси, а вне ее защищать его от посягательств рационализма и либеральных стремлений века – такова была священная миссия, к которой он считал себя призванным Самим Богом и ради которой он был готов ежечасно принести

³⁹ См.: Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. II. С. 6, 7.

⁴⁰ Уортман Р. С. Сценарии власти... С. 383–384, 385.

⁴¹ Уортман Р. С. Сценарии власти... С. 363, 390.

⁴² Жемчужников Л. М. В крепостной деревне. 1852–1857. М., 1927. Вып. II: Мои воспоминания из прошлого. С. 109.

⁴³ Готье Ю. В. Император Николай I. (Опыт характеристики) // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Исторический сборник под редакцией В. В. Каллаша. М., 1913. Т. V. С. 288.

себя в жертву». Соответственно, умственный кругозор царя был ограничен его нравственными убеждениями⁴⁴.

Заявленное заставляет нас озаботиться вопросом: ради чего Николай I «требовал» себе поклонения «как земному богу» или выступал «великим жрецом» самодержавия? Только ли ради власти? Ответ, уверен, будет однозначным. Император никогда не воспринимал себя «как бога», скорее наоборот. Дочь его министра графиня А. Д. Блудова вспоминала, как в день 25-летнего юбилея царствования министры представили императору отчеты сделанного за истекшие четверть века. Николай был тронут. Видя это, его дочь спросила его: «Ты счастлив теперь, ты доволен собою? – Собою – отвечал он и, показав рукою на небо, прибавил: *Я был-linka*»⁴⁵.

Так почему же отношение к этому царю обыкновенно определяется через призму его абсолютной власти? Вероятно, потому что личные переживания и взгляды императора всегда оказывались заслонены его «высочайшим мнением», безусловной уверенностью в себе как в помазаннике, который может в силу этого *помазанничества* решить любые проблемы, найти единственно необходимые решения. «С нами Бог!». По этой причине, к слову, для него было чрезвычайно непросто соблюдать конституцию Царства Польского и короноваться там в соответствии с Конституционной хартией 1815 г., подписанной Александром I. Присягать конституции императору не хотелось, но изменить данное братом установление он не желал. Тем более, что к тому времени он уже был коронован в Москве. Первоначально, летом 1826 г., император противился и религиозной церемонии, которую первоначально считал совершенно немыслимой. Вскоре, однако, вопрос о коронации в Варшаве был отложен до окончания суда над членами польских тайных обществ. Лишь в 1829 г. Николай вернулся к обсуждению (с братом цесаревичем Константином Павловичем) вопроса о коронации в Варшаве. «После того, как я уже включил формулу присяги в манифест о восшествии на престол, – писал он брату, – я считаю бесполезным и неподходящим повторять ее еще раз, тем более, что молитва при коронации великолепна и представляет собой род клятвы, приносимой монархом Богу, а *не людям*»⁴⁶.

Вот он, момент истины! Коронация есть клятва не людям – подданным, – а только Богу. Следовательно, люди не имеют права что-либо спрашивать с самодержца. Старая известная мысль была вновь четко сформулирована Николаем I, специально подчеркнутым словом «*не людям*».

Но вернемся к вопросу о коронации. Брат монарха придерживался иных взглядов, настойчиво рекомендуя провести в Варшаве церковную церемонию в католическом соборе. «Бог призвал вас править народом иного исповедания, нежели ваше, – писал цесаревич, – и вам надлежит покровительствовать этому исповеданию, уважать его и поддерживать, а не наносить удара»⁴⁷. Николай, в свою очередь, ответил, что для него предпочтительнее отслужить католическое молебствие не в соборе, а на открытом воздухе и в присутствии войск. Но цесаревич стоял на своем. В конце концов, император согласился на совершение молебствия в католическом соборе, признав православное молебствие в данной ситуации не нужным. Однако приносить присягу император посчитал излишним, поскольку она «не может быть повторяема ни государем, ни подданным»⁴⁸. 1829 г. был временем созыва очередного сейма, и Николай

⁴⁴ Тютчева А. Ф. При Дворе двух императоров. Воспоминания – Дневник. М., 1928. С. 96.

⁴⁵ Блудова А. Д., графиня. Император Николай Павлович. 1850 // Император Николай Первый. Николаевская эпоха... С. 597.

⁴⁶ Кизеветтер А. А. Император Николай I как конституционный монарх // *Его же*. Исторические очерки: Из истории политических идей. Школа и просвещение. Русский город в XVIII столетии. Из истории России в XIX столетии. М., 2006. С. 369.

⁴⁷ Кизеветтер А. А. Император Николай I как конституционный монарх // *Его же*. Исторические очерки: Из истории политических идей. Школа и просвещение. Русский город в XVIII столетии. Из истории России в XIX столетии. М., 2006. С. 369.

⁴⁸ Кизеветтер А. А. Император Николай I как конституционный монарх // *Его же*. Исторические очерки: Из истории

И находил нужным созвать сейм лишь для присутствия на коронации, а не для разрешения назревших вопросов. Омрачать коронацию конфликтом он не хотел.

Накануне поездки в Варшаву Николай с императрицей и наследником прибыли в Казанский собор, где были встречены с крестом и святой водой. В соборе император, императрица и наследник прослушали краткое молебствование и приложились к иконам. «Затем, – сообщали газеты, – сопровождаемые верноподданническими молитвами и благословениями людей всякого состояния, наполнивших собор и площадь пред оным, изволили отбыть в Царское Село»⁴⁹. Посещение кафедрального собора столицы перед отъездом в католическую страну на коронацию было, конечно, явной демонстрацией православия венценосца и его семьи. Император стремился избежать любых, даже самых невинных, подозрений в том, что он, принимая польскую корону, в чем-то погрешит против исповедуемой им веры.

Коронация состоялась в Варшаве 12 (24) мая 1829 г. и прошла «по установленному церемониалу». Торжественное шествие состоялось в центре города, на площади, украшенной монументом польского короля Сигизмунда III. (Это было символично, ибо Сигизмунд сыграл свою роль в развитии русской Смуты и в борьбе против Московского государства; при нем же была заключена печально известная Брестская уния. И вот, спустя почти двести лет, русский царь, потомок первых Романовых, в столице бывшего врага торжественно принимал венец польских королей.) В 11 часов утра регалии торжественно перенесли в кафедральный собор, у дверей которого их встретил Примас Польши, 10 епископов и духовенство. Примас отслужил обедню Святого Духа, в течение которой шел духовный концерт. Затем регалии перенесли обратно во дворец и положили в Тронный зал, куда прибыли император и императрица. Духовенство окропило Николая святой водой, после чего он сам надел на голову корону и возложил цепь ордена Белого Орла на супругу. Примас вручил ему скипетр и державу, трижды возгласив: «Vivat Rex in aeternum!» Николай I твердым, выразительным голосом произнес молитву, а Примас, в свою очередь, коленапреклоненно, как и все присутствовавшие на коронации, прочитал молитву ко Всевышнему Подателю всех благ. Затем новый король Польши проследовал в церковь Святого Иоанна, где его снова встретили первые лица Католической Церкви. В течение трех часов все было завершено, после чего состоялся торжественный обед⁵⁰.

И хотя конституционным королем Николай I был совсем недолго (начавшееся вскоре Польское восстание позволило ему навсегда уничтожить Хартию), полученный опыт оказался чрезвычайно полезным. Более никто из русских монархов не венчался на Царство Польское, и Николай I оказался первым и последним российским самодержцем, прошедшим через это «искушение». Прекрасно осознавая то, что он государь для подданных *всех исповеданий* («белый царь»), Николай воспринимал себя в первую очередь как православного правителя, получившего право на царствование от Православной Церкви. Он искренне желал блага всем своим подданным, о чем неоднократно при случае заявлял. Так, в 1844 г., выступая перед католическими епископами – подданными российской короны, император подчеркнул, что ни в чем не желает вредить католическому исповеданию, потому как и сам – католик. «Душевно и сердечно привержен к своему исповеданию, – продолжал далее Николай, – и был бы столько же привержен и к римскому, если бы в оном родился; в отношении религии Церкви Католической намерения мои чисты»⁵¹.

Как понимать приведенные слова? Полагаю, буквально. Католиком император назвал себя в связи с тем, что официальное наименование главной конфессии России звучало так: Православная Кафолическая Восточного исповедания. Иной интерпретации для объяснения

политических идей. Школа и просвещение. Русский город в XVIII столетии. Из истории России в XIX столетии. М., 2006. С. 370.

⁴⁹ Внутренние известия // Северная пчела. 1829. 29 апреля. № 51. Суббота. С. 1.

⁵⁰ То же // Там же. 1829. 25 мая. № 63. Суббота. С. 1.

⁵¹ Речь императора Николая Павловича римско-католическим епископам в 1844 г. // Николай Первый и его время... С. 115.

фразы православного государя о том, что он сам – католик, нет и быть не может. Что же касается второй части заявленного, то здесь необходимо обратить внимание на мотивацию приверженности к православию: факт рождения в нем. Такой же приверженности к своей вере римокатоликов Николай I ни в коем случае не отрицал. Другое дело – отношение к притязаниям Папы Римского, ибо самодержавие не терпит двоевластия ни в чем, в том числе и в делах веры. Поэтому император никогда не терпел и не желал терпеть никакого контроля – в том числе религиозного – над его подданными. Подчиняться его власти должны были все без исключения. Напомнив епископам о безграничности собственной власти, и указав при том на ненарушение католического исповедания, Николай подчеркнул, что потому и требует повиновения, «что сие повелевает вам Сам Бог», перед Которым он должен будет «ответствовать за благополучие вверенного мне народа»⁵².

Получалось, что повиновение себе Николай I рассматривал как религиозный долг любого, кто жил под его скипетром. Для подданных, таким образом, это была религиозная обязанность. О том, что иначе в самодержавном государстве и быть не может, постоянно говорил митрополит Филарет (Дроздов). «Народ, благоугождающий Богу, – провозглашал святитель, – достоин иметь благословенного Богом царя. Народ, чтущий царя, – благоугождает чрез сие Богу: потому что царь есть устроение Божие. Как небо, бесспорно, лучше земли, и небесное лучше земного, то также, бесспорно, лучшим на земле должно быть то, что устроено по образу небесного, чему и учил Бог Боговидца Моисея: Виждь, да сотвориши по образу показанному тебе на горе, то есть на высоте Боговидения.

Согласно с сим Бог, по образу Своего Небесного единоначалия, устроил на земле царя, по образу Своего вседержительства – царя самодержавного, по образу Своего Царства непреходящего, продолжающегося от века и до века, – царя наследственного»⁵³.

Показательной иллюстрацией к прозвучавшему утверждению можно считать российский гимн «Боже, Царя храни», первое прослушивание которого состоялось в ноябре 1833 г. в здании Придворной певческой капеллы столицы. На нем присутствовал и сам император. Первое публичное прослушивание прошло в Большом Петровском театре Москвы 11 декабря, а спустя две недели, 25 декабря, после Рождественской службы и традиционного благодарственного молебна по случаю изгнания французов в 1812 г., в присутствии царской семьи, Двора, чинов гвардии и армии, ветеранов Отечественной войны, гимн получил высочайшее утверждение. С тех пор и до революции 1917 г. он был главной символической песней Российской империи. И хотя гимн состоял всего из шести строк, но в них заключалась суть понимания Николаем I его, как самодержавного государя, связи с Богом.

Боже, Царя храни.
Сильный, державный,
Царству на славу, на славу нам.
Царствуй на страх врагам,
Царь Православный.
Боже, Царя, Царя храни⁵⁴.

Известно, что Николай I трепетно относился к гимну, не допуская его исполнения «просто так». В. В. Розанов в одной из своих заметок привел любопытный пример, характеризующий это отношение. Однажды вечером Николай Павлович, проходя по дворцу, услышал, как

⁵² Речь императора Николая Павловича римско-католическим епископам в 1844 г. // Николай Первый и его время... С. 115.

⁵³ Филарет, митрополит Московский и Коломенский. Слово в день рождения Благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича. Говорено в Успенском соборе июня 25 дня 1851 год // Николай Первый и его время... С. 63.

⁵⁴ [Боже, Царя храни] // Император Николай Первый. Николаевская эпоха... С. 56.

его малолетние тогда дети – великие княжны, – собравшись вместе, пели «Боже, Царя храни». Постояв у открытой двери и дождавшись окончания пения, император вошел в комнату и сказал ласково и строго: «Вы хорошо пели, и я знаю, что это из доброго побуждения. Но *удержитесь вперед*: это священный гимн, который нельзя петь при всяком случае и когда захочется, “к примеру” и почти в игре, почти пробуя голоса. Это можно *только очень редко и по очень серьезному поводу*». И далее Розанов в своей манере лаконично прокомментировал приведенный пример: «разгадка всего»⁵⁵.

Николай I, как видим, чрезвычайно серьезно относился к своей власти и ее символам, полагая невозможным профанировать установленный порядок, разрушать «форму». При этом «форма» мыслилась им в национальном ключе. Соответственно, и отношение к Православной Церкви у него было в этом смысле «функциональное»; он не рассматривал ее как препятствие всеобщему мультиконфессиональному христианскому братству (что в годы правления Александра I стало камнем преткновения и привело к борьбе «православной оппозиции» во главе с архимандритом Фотием⁵⁶ с идеологами «евангельского государства» во главе с князем А. Н. Голицыным⁵⁷). Церковь для Николая I – прежде всего хранитель национального прошлого, защитник самодержавия от исходящих с Запада вредных учений и революции.

Но, рассматривая ее как основную нравственную силу общества, император, в случае необходимости, в отношении иерархов и иереев вел себя достаточно жестко, как не терпевший возражений самодержец. Даже мелкие ошибки и случайные огрехи прощались далеко не всегда. Так, неожиданно для насельников прибыв 24 мая 1835 г. в Юрьев монастырь Новгородской епархии, император лично все проверил и обошел. Настоятель монастыря архимандрит Фотий (Спасский) сумел приветствовать монарха только *post factum*. Наскоро надев синюю бархатную рясу, отец Фотий прибежал к царю и не благословив его в суете, примкнул к свите. Первоначально никакого неудовольствия Николая I он не заметил; император даже отметил то, что монастырь отлично содержится, пожелав только проведения в соборе ектеньи. Служба состоялась, причем настоятель стоял рядом с монархом. После этого Николай I попросил благословения, которое и было ему преподано. Архимандрит Фотий протянул императору свою руку для целования, в ответ не поцеловав его руку. Казалось бы, мелкий эпизод. Однако Николай I так не считал: через несколько дней архимандрита Фотия вызвали в Петербург и сообщили, что Св. Синод получил от монарха информацию о хорошем устройстве монастыря и об ошибках его архимандрита: сам не служил ектеньи, не подносил к целованию крест, не поцеловал руку царя, сам протянул руку; был одет в фиолетовую рясу. В результате отца Фотия отдали под начало наместника Александро-Невской лавры для научения и вразумления, как должно встречать царствующих особ⁵⁸. В июне его специально «обучали» (хотя более с царем архимандрит Фотий так и не встретился). Для влиятельного в предыдущее правление настоятеля это был тяжелейший удар, а для императора, вероятно, вполне оправданное «вразумление» провинившегося клирика.

Годом ранее, в феврале 1834 г., Николай I устроил разнос епископу Смоленскому и Дорогобужскому Иосифу (Величковскому), который, как уже говорилось, принимал участие в коронных торжествах самодержца и, очевидно, был лично ему известен. История была в духе николаевского правления. В феврале Николай I посетил Смоленск и епископ Иосиф приготовил торжественное слово по этому случаю. Однако при виде императора владыка так оробел, что вместо проповеди начал кропить его святой водой. Государь, вместо того, чтобы свести

⁵⁵ Розанов В. В. Листва // *Его же*. Опавшие листья. Короб второй и последний. М.; СПб., 2010. С. 284.

⁵⁶ О «православной оппозиции» см. подр.: Кондаков Ю. Е. Духовно-религиозная политика Александра I... С. 71–138 и др.

⁵⁷ О «евангельском государстве» см. подр.: Вишленкова Е. А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение»... С. 97–134 и др.

⁵⁸ Император Николай I в Юрьевом монастыре. По письмам архимандрита Фотия // Николай Первый и его время... Т. 2. С. 121–122.

случившееся к шутке, гневно закричал на епископа: «Что вы делаете, Владыко, бесов из меня выгоняете, видно? Вы совсем облили меня водой!» В тот же день епископ Иосиф был уволен на покой с повелением жить в Киево-Печерской лавре⁵⁹.

Разумеется, не стоит преувеличивать приведенные примеры, хотя забывать или игнорировать их было бы неверно. Главное состояло в том, что император считал вполне естественным и в отношении духовенства вести себя так же, как и в отношении представителей других сословий. Он мог «казнить» и «миловать» по своему усмотрению любого – в этом и состояло дело. Показателен случай с протоиереем Герасимом Павским, выдающимся ученым-богословом, в 1826 г. повелением царя назначенным законоучителем наследника престола великого князя Александра Николаевича. Он также обучал Закону Божьему великих княжон Марию, Ольгу и Александру. Отца Герасима ценили, наградив бриллиантовым наперсным крестом, алмазными знаками ордена св. Анны 2-й степени, орденом св. Владимира 3-й степени и двумя бриллиантовыми перстнями. Однако написанные отцом Герасимом для наследника программы стали поводом к обвинению его в неправославии и неблагонамеренности⁶⁰.

Все выяснилось в 1835 г., и, дабы потушить разгоравшийся скандал, протоиерей подал прошение и был отставлен от всех должностей, но не потерял благоволения императора. Назначенный настоятелем Крестовоздвиженской церкви Таврического дворца, он получил высочайше пожалованный бриллиантовый крест и сохранил прежнее жалованье (и как духовник высочайших особ, и как профессор духовной академии). Императрица определила дочерям отца Герасима солидную по тем временам ежегодную пенсию (до их замужества). Насколько оправданны были выдвигавшиеся против отца Герасима обвинения, в данном случае менее принципиально, чем то, что доверие к нему в глазах Николая I не поколебалось, а «неправильно» учившийся основам православной веры наследник престола в том же 1835 г. едва не стал присутствовать на заседаниях Св. Синода!⁶¹ Отметивший этот факт исследователь не смог удержаться от замечания о том, что не склонный к мистицизму и не размышлявший на высокие темы император «распорядился, однако, высшим церковным управлением воистину, как командир, с бесцеремонностью удивительной, руководствуясь исключительно интересами полицейской государственности, им утверждаемой столь последовательно»⁶².

Не будем объяснять все действия Николая I «по церковной части» лишь стремлением утвердить интересы «полицейской государственности», но лишний раз обратим внимание на то, что для него идея государственного служения всегда стояла на первом месте. Ей в жертву император считал возможным приносить буквально все, даже т. н. «здравый смысл». Неслучайно даже иностранцы (например, князь О. фон Бисмарк) называли его идеалистом. Во внешней политике, как и в политике внутренней, Николай действовал в соответствии с с ранней юности усвоенными принципами: он государь «волей Божией». Однозначно понимая свой долг, он стремился не допустить того, что считал вызовом самодержавной власти и установленному порядку. Причем под понятие порядка подпадало все: и внешняя дисциплина, и сдерживание революции. Однако считать это банальным проявлением «гордыни» и безмерного

⁵⁹ См.: Иосиф (Величковский) // *Манаил (Лемешевский), митр.* Русские православные иерархи. 992–1892. М., 2003. Т. II. С. 113.

⁶⁰ *Копейкин К., прот.* Павский // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. СПб., 2006. Т. II: Деятельный век. Кн. пятая. С. 45. В конце статьи см. библиографию статей о протоиерее Герасиме Павском (С. 46).

⁶¹ 4 июня 1835 г. император Николай I посетил Св. Синод вместе с великим князем Александром Николаевичем. Незадолго до этого для заседаний высшего церковного учреждения Православной Российской Церкви на Сенатской площади было отстроено новое здание, в которое и приехал самодержец с наследником. Проследовав в палату синодальных заседаний и заняв место не на троне, а рядом, на креслах, Николай I обратился к членам Св. Синода с речью, в которой, среди прочего, и заявил о своем намерении знакомить наследника с церковными делами «и [о] соизволении на его присутствии иногда при занятиях Синода и под его руководством» (см.: *Григорович Н.* Император Николай I в Святейшем Правительствующем Синоде (4-го июня 1835 года) // Император Николай Первый. Николаевская эпоха... С. 517.

⁶² *Чулков Г.* Императоры... С. 226.

самоуверенности будет не вполне правильно. Николай I во всех своих действиях был самодержцем; известен случай, когда он так крикнул на офицера, уснувшего на посту, что тот скончался. Осознав, что его окрик привел к трагедии, царь принял решение о выплате особой пенсии семье скончавшегося⁶³. Не желая зла, он стал причиной смерти подданного. Случай не типичный, но показательный.

Однажды Николай I посетил столичную первую гимназию, выразив свое неудовольствие увиденным. Что же послужило раздражителем самодержца? Мелочи. Один из лучших учеников класса слушал урок истории облокотясь о парту. Это восприняли как нарушение дисциплины. Та же картина наблюдалась и на уроке Закона Божьего: мальчик сидел, прислоняясь спиной к заднему столу. Священник получил выговор, но не смолчал и ответил грозному монарху: «Государь, я обращаю внимание более на то, как они слушают мои наставления, нежели на то, как они сидят»⁶⁴. Прошел год, и император вновь посетил эту гимназию. На сей раз все ему понравилось, и провинившийся ранее священник был исключительно возвышен: вернувшись во дворец, Николай I сказал, что нашел законоучителя детям, и уже 2 февраля 1835 г. священник Василий Бажанов был представлен в новом качестве императорскому семейству, став вместо протоиерея Герасима Павского также духовником наследника и великих княжон. Постепенно доверие Николая I к новому священнослужителю возросло настолько, что отец Василий, по его собственным словам, «входил во дворец, как в свое семейство». Лишь в начале 1840-х гг., из-за интриг обер-прокурора Св. Синода графа Н. А. Протасова, произошло некоторое охлаждение отношений. (Граф Протасов опасался, что в случае смерти протопресвитера Николая Музовского священник Василий Бажанов займет его место, войдет в состав Св. Синода и не будет полностью ему, обер-прокурору, подконтролен.) Мнение об отце Василии как о неуживчивом и самоуправном человеке, впрочем, не помешало ему после кончины протопресвитера Николая получить временное управление придворным духовенством. При этом ни он, ни его воспитанники – дети Николая I, не надеялись, что последует высочайшее повеление о назначении его духовником царя. Однако это произошло 5 декабря 1848 г., одновременно с награждением отца Василия митрой. Тогда же он стал обер-священником гвардии и гренадер, заняв место в Св. Синоде. Как и его предшественник, отец Василий совмещал обязанности протопресвитера придворного духовенства и обер-священника гвардии. Удивительным считать это не приходится: военные пристрастия Николая I, как уже говорилось, распространялись и на священнослужителей. Важнее задаться другим вопросом: почему все-таки отца Василия назначили императорским духовником, несмотря на шесть лет высочайшего «неблаговоления»? Увы, ответа не существует; не знал его и сам новый духовник. Логику поступков Николая современники могли объяснить не всегда; не поняли данное назначение даже супруга и дети самодержца. Но, как писал много лет спустя отец Василий, «с этого времени государь по-прежнему стал ко мне благосклонен, и после первой исповеди сказал семейству своему, что он в первый раз исповедался. Не знаю, что эти слова означают. Не то ли, как некоторые уверяли, что государь не исповедовал своих грехов перед духовниками, и духовники не предлагали ему вопросов, а прочитывали только молитвы пред исповедью и после исповеди?»⁶⁵ Нет ответа и у нас. Но подмеченное царским духовником обстоятельство лишний раз свидетельствует: Николай I очень серьезно относился к исполнению своего христианского долга и, встретив священника, который смог понять его, немедленно заявил об этом своей семье.

Абсолютизируя свою власть, император, тем не менее, прекратил практику помещения царских портретов в храмах, считая это недопустимым. Дело решил случай. Проезжая в 1832 г.

⁶³ См.: *Эйдельман Н.* «Революция сверху» в России. М., 1989. С. 103.

⁶⁴ См.: *Никитенко А. В.* Моя повесть о самом себе... С. 231. Запись от 10 апреля 1833 года.

⁶⁵ Автобиография протопресвитера В. Б. Бажанова // *Николай Первый и его время...* Т. 2. С. 348–349.

Белгород, Николай в соборе увидел собственный портрет и приказал снять его, объявив выговор правящему епископу Илиодору (Чистякову; 1794–1861). Вскоре Св. Синод получил разъяснение от епископа, сообщившего, что порядок вешать царские портреты в храмах существовал с 1787 г., и заступился за владыку. Император согласился не объявлять выговор, но приказал по церквям своих портретов впредь не вешать⁶⁶. Иногда наказывая архиереев, Николай I при этом не забывал прислушиваться к их мнениям, порой по самым незначительным причинам. Так, по его приказу был посажен на гауптвахту цензор «Библиотеки для чтения» А. В. Никитенко, пропустивший в XII книжке за 1834 г. переведенное из Виктора Гюго стихотворение «Красавице»:

Когда б я был царем всему земному миру,
Волшебница! Тогда б поверг я пред тобой
Все, все, что власть дает народному кумиру:
Державу, скипетр, трон, корону и порфиру,
За взор, за взгляд единый твой!
И если б богом был – селеньями святыми
Клянусь – я отдал бы прохладу райских струн,
И сонмы ангелов с их песнями живыми,
Гармонию миров и власть мою над ними
За твой единый поцелуй.

Стихотворение попало на глаза митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Серафиму (Глаголевскому), который, испросив особенную аудиенцию, прочитал его Николаю, умоляя его, «как православного государя (выделено мной. – С. Ф.), оградить Церковь и веру от поруганий поэзии»⁶⁷. Отсидев положенное время, А. В. Никитенко был освобожден и узнал от своего начальника, князя М. А. Дондукова-Корсакова, что государь на него вовсе не сердится. Прочитав стихи, царь только заметил: «Прозевал!» Однако Николай, со слов князя, «вынужден был дать удовлетворение главе духовенства и при том публичное и гласное»⁶⁸.

Вновь повторю: следование «форме» было возведено в николаевской России в принцип, нарушение которого неминуемо влекло за собой наказание, даже в том случае, когда сам император считал его чрезмерным. Истоиво исполняя свою «роль», Николай I верил в безусловную оправданность собственных действий как монарха милостью Божьей, публично демонстрировал себя своим подданным, не боясь показываться перед народом в самые критические моменты. Когда в 1830 г. Москву поразила эпидемия холеры, император лично появился в Первопрестольной, сразу же побывав в Иверской часовне и приложившись к чудотворной ее иконе. Затем он явился в Успенский собор, где его приветствовал митрополит Филарет. Даже не склонные петь Николаю I дифирамбы исследователи вынуждены отметить, что «его появление перед народом произвело почти магический эффект»⁶⁹. При открытии Александрийского столпа в августе 1834 г. Николай I обнажил голову и молился вместе со всем своим войском. По словам современников, это было «зрелище трогательное и поучительное». Император упал на колени, и вся армия последовала его примеру. Народ не отводил глаз от монарха, стоявшего перед столпом, крестившегося и проливавшего слезы умиления⁷⁰.

⁶⁶ См.: Тальберг Н. Д. Христианин на престоле... С. 725.

⁶⁷ Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе... С. 256. Запись от 1 января 1835 года.

⁶⁸ Там же. С. 260. Запись от 25 января 1835 года.

⁶⁹ Уортман Р. С. Сценарии власти... С. 394.

⁷⁰ Уортман Р. С. Сценарии власти... С. 416.

Казалось бы, единение царя и народа подобными примерами доказывается безусловно. Но единение (пусть и официально понимаемое) – это одно, а доверие – нечто другое. Существовало ли доверие Николая I как православного государя к своему православному в большинстве народу? Утвердительного ответа дать не получается. Как ни странно, отношение русского монарха к подданным помогает понять история, рассказанная прусским королем Фридрихом-Вильгельмом IV князю О. фон Бисмарку. Российский император попросил его прислать двух офицеров прусской гвардии для предписанного врачами массажа спины, во время которого пациент должен был лежать на животе. При этом Николай, якобы, сказал: «С моими русскими я всегда справлюсь, лишь бы я мог смотреть им в лицо, но со спины, где глаз нет, я предпочел бы все же не подпускать их». «Это показывает, – объяснял ситуацию О. фон Бисмарк, – что, несмотря на религиозную преданность русского народа своему царю, император Николай не был уверен в своей безопасности с глазу на глаз даже с простолудином из числа своих подданных; проявлением большой силы характера было то, что он до конца своих дней не дал этим переживаниям сломить себя»⁷¹.

Комментировать прозвучавшую сентенцию не стоит. Она и без того красноречива, заставляя снова и снова задумываться над вопросом о том, как понимал Николай I свой народ и ждал ли он от него взаимности...

Впрочем, если о взаимности рассуждать возможно лишь в общих чертах, то о *культе государя*, в эпоху Николая I развивавшемся и поддерживавшемся весьма активно, – вполне. Полагаю, что именно развитие этого культа, основанного на религиозном убеждении самодержца в благости проводимых им деяний, порой приводило особо подобоострастных его подданных к действиям, в которых религиозные мотивы звучали если не кощунственно, то, по крайней мере, чрезвычайно странно, двусмысленно. Показательную историю рассказал художник Л. М. Жемчужников, в 1860-х гг. являвшийся предводителем дворянства Чембарского уезда Пензенской губернии. Проезжая этот уезд, Николай I свалился в овраг и сломал себе руку. В результате, он вынужден был лечь в городе Чембар в постель, развлекая себя наблюдениями за прыжками пуделя из окна дома, где он жил, на улицу и обратно. После отъезда государя местное дворянство в собрании торжественно постановило увековечить дом, в котором жил Николай I, обратив его в храм. Из спальни сделали алтарь, в храме поместили икону Николая Чудотворца, при которой в золотой лампаде должен был гореть неугасимый огонь, на месте царской кровати воздвигли престол. Окно, через которое прыгал пудель, сохранили без изменений⁷². Строительство храма скорее свидетельствовало о специфическом понимании чембарским дворянством идеи верноподданничества, чем говорило о «гордыне» и «самомнении» Николая. Храм, построенный в честь небесного покровителя русского монарха, явился демонстрацией безусловной преданности подданных самодержавному помазаннику, и ничего более.

И это притом, что сам Николай I всегда с глубоким чувством относился к созданию новых православных храмов и обителей, как больших, так и малых. В годы его царствования были открыты многие монастыри, упраздненные при Екатерине Великой. Еще в бытность великим князем Николай Павлович проявлял интерес к допетровской церковной архитектуре; в 1817 г., например, он посетил монастырь Новый Иерусалим, построенный Патриархом Николом в XVII столетии, поддержав мысль о восстановлении монастырского собора, ранее считавшегося недоступным для реставрации. При нем, 10 сентября 1839 г., в Москве торжественно

⁷¹ Бисмарк О. Мысли и размышления. М., 1940. Т. I. С. 159.

⁷² Жемчужников Л. М. В крепостной деревне... С. 113. Следует отметить, что данное сообщение представляет скорее интерес как один из слухов, ходивших тогда в русском обществе. На самом деле история выглядела несколько иначе: в ночь с 25 на 26 августа 1836 г. примерно в 14 верстах от города Чембара коляска императора опрокинулась на спуске, и Николай сломал левую ключицу (см., напр.: Случай с Николаем I возле города Чембар // Азбукиведи-история. URL: http://azbukivedi-istoria.ru/publ/politika/sluchaj_s_nikolaem_i_vozle_goroda_chembar/2-1-0-65 (дата обращения: 26.05.2021)).

заложили храм Христа Спасителя (в память избавления России от Наполеона и с целью увековечения имен героев Отечественной войны 1812 г.) и завершили строительство Исаакиевского собора в Петербурге; при нем начался новый славный этап истории Оптиной пустыни и состоялось воссоединение униатов с Православной Церковью.

В 1850 г., к 25-летию юбилею царствования, обер-прокурор Св. Синода граф Н. А. Протасов представил императору краткий отчет, который выглядел как победная реляция. И в самом деле, цифры впечатляли. За четверть века число епархий Православной Российской Церкви существенно увеличилось: прибавилось 13 епархий и 7 викариатств, выросло число монашеских обителей (в число которых включили и бывшие униатские), была учреждена новая духовная академия в Казани и восемь духовных семинарий. Если в 1825 г. в империи действовало 340 духовно-учебных заведений, то в 1850-м – уже 421. В православии обратилось свыше 700.000 человек (не считая униатов). Расходы по духовному ведомству также существенно увеличились – с 671.237 рублей 29 копеек до 3.804.299 рублей 64 ¼ копеек⁷³. Ознакомившись с цифрами, Николай собственноручно написал: «*вот Тебе (выделено мной. – С. Ф.) отчет Мой по духовной части*»⁷⁴.

Удивительная маргиналия! Читая резолюцию, можно подумать, что император оставил её для Господа Бога! На самом деле он отправил (перенаправил) отчёт сыну, цесаревичу Александру Николаевичу (хотя в комментариях к отчёту об этом не говорилось).

Однако «слово соблазняет». Можно ли, учитывая форму обращения, делать какие-либо выводы о личной религиозности монарха?

Вряд ли. Православный государь – это одно, а верующий христианин – нечто другое, хотя и не отрицающее первого. Личная вера для Николая I была связана с обязательным исполнением установленных Церковью правил, посещением храма и молитвой. Точный и аккуратный он всегда приходил в храм к установленному времени (к 11 часам), после чего сразу же началась служба. Опозданий император не терпел и требовал от придворных безукоризненного соблюдения установленного при посещении церковных служб этикета⁷⁵.

По воспоминаниям великой княжны Ольги, дочери Николая I, император и императрица благодаря своим детям выучились понимать обряды Православной Церкви, молитвы праздников и псалмы. Так это было или нет, сейчас судить сложно, но факт остается фактом: император никогда не пропускал воскресного богослужения, стоя с открытым молитвенником в руках позади певчих. Впрочем, Евангелие он читал по-французски (как и старший брат Александр I), всерьез полагая, что церковнославянский язык доступен лишь духовенству. В дни, предшествовавшие принятию Святых Таин, Николай «был преисполнен детски-трогательного рвения»⁷⁶. Император признавался, что когда он слушает обедню, то решительно стоит перед Богом, ни о чем другом более не думая⁷⁷. На его рабочем столе в кабинете Зимнего дворца всегда лежало Евангелие⁷⁸. В его правиле было ежедневно, утром и вечером, молиться. Ни усталость, ни болезнь не могли заставить императора изменить принятому порядку. Однажды за такой молитвой у киота Николай заснул. Со свечи стал падать воск, рядом со склоненной головой императора. Случайно зашедший камердинер разбудил его и сказал о свече: «На голову бы Вам капнула, знак бы остался и догадались бы». «Правду говоришь, старик, – заметил госу-

⁷³ Отчет обер-прокурора Святейшего Синода 1825–1850 // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1896. Т. 98. С. 457–460.

⁷⁴ Отчет обер-прокурора Святейшего Синода 1825–1850 // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1896. Т. 98. С. 457.

⁷⁵ Тютчева А. Ф. При Дворе двух императоров... С. 100–101.

⁷⁶ Сон юности: Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны // Николай I. Муж. Отец. Император. М., 2000. С. 202–203.

⁷⁷ См.: Тальберг Н. Д. Христианин на престоле... С. 723.

⁷⁸ Из записок Елизаветы Николаевны Львовой // Николай Первый и его время... Т. 2. С. 313.

дарь»⁷⁹. Близко наблюдавшие Николая I современники часто видели, как «он с благоговением крестился, ехав мимо церкви, и делал это так просто, что видно было, что он находил в этом наслаждение души!»⁸⁰.

Искренне веруя, Николай I, тем не менее, в частной жизни позволял себе – как и многие представители высшего общества – романы и увлечения на стороне. Увлечения эти, судя по всему, никак не связывались с тем, что император полагал важным с христианской точки зрения. Даже чтившие монарха и восхищавшиеся его почтением и любовью к супруге придворные не скрывали самого факта романов. Баронесса М. П. Фредерикс, например, совершенно спокойно отмечала, что «он имел любовные связи на стороне», ниже оговариваясь: «какой мужчина их не имеет». Главным же для баронессы было то, что император «оставался верен нравственному влиянию своей ангельской супруги, с которой находился в самых нежных отношениях» («хотя предмет его посторонней связи и жил во дворце, но никому и в голову не приходило обращать на это внимание; все это делалось так скрыто, так благородно, так порядочно»)⁸¹.

Но нет ничего тайного, что не станет явным. Даже разночинцы, далекие от придворных кругов люди, были прекрасно осведомлены об этой стороне жизни монарха, без зазрения совести делясь информацией со «страждущими». В год смерти Николая I студент Н. А. Добролюбов (будущий «светильник разума», по слову Н. А. Некрасова) поместил соответствующую статью в рукописной газетке «Слухи», подчеркнув, что монарх (как «всякому известно») пользовался репутацией разрушителя девичьих невинностей. Ничтоже сумняшеся Добролюбов утверждал, что нет ни одной фрейлины, взятой ко Двору без покушений на ее любовь: «Обыкновенный порядок был такой – брали девушку знатной фамилии во фрейлины, употребляли ее для услуг благочестивейшего, самодержавнейшего государя нашего, и затем императрица Александра начинала сватать обесчещенную девушку за кого-нибудь из придворных женихов»⁸².

Сплетни такого рода – опасный симптом, свидетельствующий о десакрализации личности монарха в глазах определенной части общества. В нашем случае – в глазах интеллигентов-разночинцев. Однажды появившись, слухи уже не исчезали, негативно влияя и на последующее восприятие династии. Уже в начале XX века публицист и журналист А. В. Амфитеатров в скандальном фельетоне «Господа Обмановы» вновь напомнил читателям о «романтических» увлечениях императора Николая I, выставив его в виде помещика Никандра Памфиловича – «бравого майора в отставке, с громовым голосом, с страшными усищами и глазами навывкате»⁸³.

Разумеется, нельзя абсолютизировать влияние сплетен и слухов на общественное сознание, но не считаться с ними и не признавать за ними никакого значения также нельзя. Монарх – фигура публичная, в российских условиях особенно. Интерес к частной жизни властителя психологически понятен и объясним, но эксплуатация подобного интереса всегда чревата социальными коллизиями. Пример этому дал XX век, время правления правнука Николая I⁸⁴. Однако тогда, в середине XIX столетия, данное обстоятельство считали возможным не замечать.

Внимание обращали на другое: близко знавшие или имевшие возможность разговаривать с императором современники видели в нем *исключительно русского* по духу монарха, даже называли самым православным государем со времен Федора Алексеевича. Графиня А. Д. Блудова полагала, что он один из тех, кем движется целое поколение, поскольку он предчув-

⁷⁹ См.: Вискочков Л. Николай I. М., 2006. С. 490.

⁸⁰ Из записок Елизаветы Николаевны Львовой... С. 319.

⁸¹ Из воспоминаний баронессы М. П. Фредерикс // Император Николай Первый. Николаевская эпоха... С. 489.

⁸² Добролюбов Н. Разврат Николая Павловича и его приближенных любимцев. Сообщил М. Цявловский // Голос минувшего. Журнал истории и истории литературы. 1922. № 1. С. 65.

⁸³ *Old Gentleman* [Амфитеатров А. В.] Господа Обмановы: (Провинциальные впечатления) // Россия. Газета политическая и литературная. 1902. 13 января. № 975. Воскресенье. С. 2.

⁸⁴ См. подр.: Колошицкий Б. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

ствует потребности своего времени, с твердостью удерживая от поспешности, которая могла бы увлечь в пропасть. Для графини Николай I – олицетворение народа и времени⁸⁵. Правда, говорила она это в 1850 г., когда сила империи, олицетворявшаяся в императоре, была в зените. Пройдет несколько лет, и Крымская война станет приговором как николаевской социально-политической системе, так и самому государю. Но тогда, в четвертьвековой юбилей правления Николая I, далеко не все понимали это. Его сравнивали с Петром Великим, даже ставили выше последнего, ибо для Николая I «неизмеримо дороже были Православная вера и священные заветы нашей истории, чем для Петра». Так считал митрополит Киевский и Галицкий Платон (Городецкий; 1803–1891), в царствование Николая Павловича управлявший последовательно Ковенской, Рижской и Псковской епархиями. Владыка полагал, что император был предан всему «чистокровному русскому» и, в особенности, православно-веру. Подобного ему в отечественной истории – очевидно, императорского периода – митрополит не видел. Вспомнившие последние часы жизни монарха, владыка утверждал: «Так умирать может истинный христианин, истинный сын Православной Церкви; он почил, держа в руке крест Христов – символ нашего спасения»⁸⁶.

Не вдаваясь в обсуждение вопроса о «русскости» императора⁸⁷, отметим только, что для Николая I Петр Великий являлся образцом для подражания, следовать заветам которого он стремился в течение всего своего правления. Митрополит Платон подчеркивал выдающиеся христианские качества «Незабвенного» монарха, имея в виду частое игнорирование первым императором России «священных заветов» отечественной истории, в основании которой, по его убеждению, всегда была православная вера. Полагаю правомерным, говоря о христианских взглядах Николая I, обратить внимание на сделанные владыкой Платоном акценты и с этой целью рассмотреть последний период жизни императора.

В 1853 г. Россия, решившая вооруженным путем решить «восточный вопрос», оказалась в состоянии войны с объединенной Европой – против нее выступили Англия и Франция, и не поддержали Австрия и Пруссия, на что император явно не рассчитывал. «Идеалистический порыв», о котором говорил Бисмарк, оказался напрасным. Поводом к войне послужил спор между Католической и Православной Церквями о праве иметь ключи от Вифлеемского храма, чинить купол храма Гроба Господня, владеть религиозными памятниками в Иерусалиме. Император французов Наполеон III, которого Николай I в дипломатической переписке оскорбил, не назвав «братом», использовал этот повод для создания дипломатического конфликта и потребовал от турецкого султана выполнения старых договоров о правах католиков. Тогда и Николай I выступил в защиту прав православных и сохранения для них сложившихся в XIX столетии религиозных привилегий. В январе 1853 г. представитель императора чрезвычайный посол князь А. С. Меншиков прибыл в Константинополь и предъявил султану требования русского монарха. Сущность их сводилась к тому, что все девять миллионов православных подданных Турции должны были перейти под непосредственное покровительство российской короны.

Напуганный ультиматумом, султан готов был пойти на уступки, уволив министра иностранных дел, подписавшего соглашение о правах католиков в Палестине. Был издан фирман о правах и привилегиях Православной Церкви в Турции. Предполагалось пересмотреть в благоприятную для России сторону вопрос о праве владения святыми местами. Но князь

⁸⁵ Блудова А. Д., графиня. Император Николай Павлович. 1850... С. 591.

⁸⁶ Митрополит Платон Киевский об императоре Николае Первом // Император Николай Первый. Николаевская эпоха... С. 645.

⁸⁷ Большинство исследователей обращают внимание на иные, «немецкие» черты Николая I. Так, Р. С. Уортман полагает, что «по своему воспитанию, своим вкусам, своему поведению Николай был явным немцем», не забывая указывать и на то, что «его традиция определялась именно как специфически русская» (Уортман Р. С. Сценарии власти... С. 392). Как видим, ученый не сочетает воедино воспитание и вкусы царя с его политической доктриной (теорией «официальной народности»).

А. С. Меншиков не удовлетворился уступками, продолжая настаивать на том, чтобы Россия покровительствовала православным подданным султана. Вскоре, в июне 1853 г., «в залог» удовлетворения требований Россия заняла Дунайские княжества. Дальнейшая история известна – после побед России над турецкими войсками Англия и Франция решили открыто вмешаться и в марте 1854 г. объявили Николаю I войну. Позиция Австрии и Пруссии вынудила императора оставить Дунайские княжества, немедленно оккупированные австрийскими войсками. Политическая изоляция и военные поражения стали ударом для Николая I. Можно сказать, что это был серьезный моральный удар: последний крестоносец Европы должен был пережить глубокое разочарование. Цели, им поставленные, оказались нерешенными – он так и не смог стать полновластным покровителем православных Турции!

Жизнь порой преподносит человеку удивительные уроки. В 1851 г. на Бабигонских высотах в Старом Петергофе была заложена церковь в честь святой царицы Александры. Церковь строил А. Штакеншнейдер: она была спроектирована в «русском стиле», пятиглавой. Основание барабанов глав украсили «кокошниками», используя этот же мотив древнерусской архитектуры и в колокольне. Высокий шатер церкви, тоже напоминая по силуэту древнерусские храмы, был унизан тремя рядами «кокошников». Из дворца Петра Великого в Дубках в новую церковь привезли деревянный иконостас резной работы. Церковь стояла на возвышенности, имея красивый силуэт⁸⁸. В основание ее положили камни, привезенные с берегов реки Иордан по личному указанию Николая I. Так в России появился единственный храм, стоящий на иорданских камнях. Это была последняя церковь, освященная при жизни императора. Он молился в ней тогда, когда Россия терпела поражения в войне, начатой им по религиозным мотивам. Чем не горькая усмешка истории?

За несколько месяцев войны государь внешне переменился. А. Ф. Тютчева, слушавшая вместе с ним летом 1854 г. обедню, с горечью отмечала: «При виде того, с каким страдальческим и сосредоточенным видом он молится, нельзя не испытывать почтительного и скорбного сочувствия к этой высоте величия и могущества, униженной и поверженной ниц перед Богом». Император, по ее мнению, во многом был виноват, заблуждался, «увлеченный гордым сознанием того огромного престижа, который внушал. Но в самых его ошибках были честные побуждения, были порывы благородные и великодушные, которых нельзя не признавать и которые оправдают его в глазах истории»⁸⁹.

После описанных событий прошло чуть более полугодя, и император скончался. Болезнь оказалась скоротечной. Согласно официальной версии, Николай заболел гриппом в конце января 1855 г., но «не бросал своих занятий и наступившим Великим постом ходил аккуратно в церковь к богослужению»⁹⁰. Однако вскоре болезнь дала себя знать, и уже 11 февраля Николай не смог, как того хотел, быть у преждеосвященной обедни. На следующий день он предоставил право заниматься всеми государственными делами наследнику престола и слег в постель. До 17 февраля о здоровье государя столичное общество еще ничего не знало, даже во дворце воспринимали болезнь как легкое недомогание. Лишь в самый последний момент, поняв, что положение чрезвычайно тяжелое, императрица предложила царственному супругу приобщиться Святых Таин.

Официальный историограф николаевского царствования Н. Г. Устрялов так описывал эту историю: «Государь начал было на первой неделе Поста говеть и с понедельника по четверток включительно изволил постоянно присутствовать при Божественной службе; но неоднократно жалуясь на слабость здоровья, выражал сомнение: в силах ли будет исполнить этот

⁸⁸ Петрова Т. А. Андрей Штакеншнейдер. Л., 1978. С. 86, 87.

⁸⁹ Тютчева А. Ф. При Дворе двух императоров... С. 153. Запись от 22 июля 1854 года.

⁹⁰ [Яковлев С. П.] Императрица Александра Федоровна. Биографический очерк, составленный С. П. Яковлевым. М., 1867 [1866]. С. 182.

Христианский долг? Не смотря однако ж[е] на Свою слабость, ни разу в продолжение службы не садился, хотя и был к тому убеждаем протопресвитером Бажановым». Данным случаем и воспользовалась императрица, предложив Николаю исполнить христианский долг. Но император заявил, что причащаться в постели не может, надеясь принять Святые Тайны в дальнейшем. Тогда же он пригласил к себе доктора М. Мандта и заставил его сказать всю правду о собственном положении. Правда эта была неутешительна. Поняв, что вскоре смерть положит конец его страданиям, Николай позвал к себе наследника и через него вызвал духовника. Исповедался он в присутствии императрицы и цесаревича Александра Николаевича, твердым голосом прочитав молитву «Верую и исповедую». После этого простился с членами своей семьи и ближайшими царедворцами, сам отдал распоряжения относительно похорон, указал место для могилы в Петропавловском соборе. При чтении отходной молитвы государь повторял за духовником все ее слова до тех пор, пока его голос не пресекался. Затем знаками пододзав к себе протопресвитера Василия Бажанова, поцеловал наперсный крест. Вскоре после этого, сжимая руки императрицы и наследника, в двенадцать часов двадцать минут пополудни 18 февраля 1855 года Николай I скончался⁹¹.

Вместе с ним окончилась целая эпоха. Начался новый период в истории российской государственности. Император Николай I заканчивал свой земной путь в убеждении, что никогда не делал зла сознательно. В духовном завещании он поблагодарил всех любивших и простил всех ненавидевших его. Перед лицом смерти он честно признавался, что был человеком со слабостями, свойственными людям, и старался исправиться в том, что знал за собою плохого. «Я умираю, – писал Николай I, – с благодарным сердцем за все благо, которым Богу угодно было на сем преходящем мире меня наградить, с пламенной любовью к нашей славной России, которой служил по крайнему моему разумению верой и правдой. Жалею, что не мог произвести того добра, которого столь искренно желал. Сын мой меня заменит. Буду молить Бога, да благословит его на тяжкое поприще, на которое вступает, и сподобит его утвердить Россию на твердом основании страха Божия, дав ей довершить внутреннее ее устройство, и отдаляя всякую опасность извне. На Тя, Господи, уповахом, да не постыдимся вовеки. Прошу всех меня любивших, молиться об успокоении души моей, которую отдаю милосердному Богу, с надеждой на Его благодать и предаваясь с покорностью Его воле. Аминь»⁹².

Можно ли воспринимать такие слова как лицедейство? Вопрос риторический. Вера императора была глубокой и искренней. Ее он не «играл», хотя в представлении скептически настроенных современников остался прежде всего самодержавным «игроком», до конца исполнявшим свою «роль». Как насмешка звучали слова эпитафии Ф. И. Тютчева, написанные по поводу кончины Николая I:

Не Богу ты служил и не России,
Служил лишь суете своей,
И все дела твои и добрые и злые, –
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей⁹³.

Подобное отношение к Николаю I в течение долгих лет казалось непреодолимым. Исследователи, особенно в советский период, обращали большее внимание на мнения «властите-

⁹¹ Устрялов Н. Русская история. СПб., 1855. Ч. 2. С. 506–509. Удивительным образом в официозной устряловской «Истории» оказались точно описаны последние дни жизни императора Николая I. Изданные спустя более чем 70 лет дневники фрейлины А. Ф. Тютчевой полностью подтвердили приведенные Н. Г. Устряловым факты (см.: Тютчева А. Ф. При Дворе двух императоров... С. 174, 178, 180–181).

⁹² Царствование императора Николая I. Составил М. П. Романов. СПб., 1883. С. 115–116.

⁹³ Чулков Г. Ф. И. Тютчев и его эпитафии // Былое. 1922. № 19. С. 76.

лей дум», писавших или говоривших о Николае, чем на историю религиозных переживаний и мотиваций самого самодержца. Указание В. С. Соловьева на то, что император стремился смотреть на жизнь с христианских позиций, что «в нем таилось ясное понимание высшей правды и христианского идеала, поднимавшее его над уровнем не только тогдашнего, но и теперешнего общественного сознания»⁹⁴, обыкновенно не принималось в расчет. В искренности побуждений Николаю I отказывали, скорее предпочитая соглашаться с мнением Л. Н. Толстого, приводившего слова старого солдата о «Николае Палкине» и называвшего его царем, которого окружали подлецы, аттестуя «невежественным» и «самоуверенным» обладателем «низшей духовной силы»⁹⁵.

Подобные суждения, к счастью, ныне аргументированно опровергаются. Петербургский историк Л. В. Выскочков, написавший наиболее полную на сегодняшний день биографию монарха, назвал его «Эпимитеем на троне», человеком, обладавшим высокоразвитым чувством ответственности, долга⁹⁶. Он верил в Бога, но также не сомневался в своем предназначении и судьбе, верил в то, что само Провидение управляет его поступками и действиями. Как оценить подобную веру? Полагаю, что только в ключе монархической государственности, служба которой была для императора Николая I смыслом и целью жизни, и которой он старался не изменить до последнего своего часа.

⁹⁴ Соловьев В. С. Памяти императора Николая I // *Его же*. Сочинения в двух томах. М., 1989. Т. II. С. 606.

⁹⁵ См.: Толстой Л. Н. Дневники. 1895–1910 гг. // *Его же*. Собрание сочинений. М., 1965. Т. 20. С. 171, 187–188. Записи от 3 июня 1903 года и 29 марта 1904 года и др.

⁹⁶ См.: Выскочков Л. В. Николай I... С. 598–600 и др.

Очерк второй. «Православный абсолютизм»

Светская власть и Православная Церковь в эпоху императора Николая I

Еще в XIX столетии было замечено, что царствование императора Николая I – время переломное: подражательный петровский период подходил к концу, пробуждалась национальная мысль. К примеру, К. Д. Кавелин особо подчеркивал развитие именно с тех, николаевских, пор самосознания, росшего и развивавшегося беспрерывно: «Искание чего-то нового, чего-то другого, соответствующего народившемуся народному чувству, стало выражаться и в искусстве, и в науке, и в правительственных мерах, и во внешних сношениях. На этой почве выросли и славянофильское, и западническое направления»⁹⁷. Замечание К. Д. Кавелина для нас ценно прежде всего своей констатацией – ученический период завершился, предстояло решить, как и чем жить дальше.

Иначе говоря, важно было определить социально-политические и религиозно-нравственные ориентиры Российской империи в зените ее могущества, когда русский самодержец стал, пожалуй, самым влиятельным государем Европы. Актуальность подобного определения со всей очевидностью продемонстрировала еще александровская эпоха с ее мистическими настроениями и теорией «евангельского государства»⁹⁸. После победы над Наполеоном Александр I прекрасно осознавал, что, провозглашая приоритет общехристианских ценностей перед конфессиональными, общегосударственными – перед национальными, укрепляя идею совершенствующейся нравственности как основы новой гражданственности, он тем самым содействует интеграции населения западных территорий в состав империи, – во-первых; и получает ориентир для общественного развития страны в целом, – во-вторых (тем более, что Россия после 1812 г. «явно испытывала идеологический и политический кризис»). К тому же Александр I не желал отказываться от либерально-просветительской позиции, принятой в первые годы правления⁹⁹. В конфессионально ориентированной (православной) стране пытались укрепить «общехристианские» ценности, санкционировав, как известно, создание Библейского Общества.

Утопия рано или поздно наказывает мечтателей, так произошло и с «евангельским государством», ведь подобная химера могла рассчитывать на реальность только в случае полного успеха идеи просвещения и уж, разумеется, в рамках полной веротерпимости. «Сама проблема веротерпимости ставится на повестку дня, когда обществом востребовывается активная личность, индивидуализм. Как раз эта-то особенность современного развития политической культуры и была дискредитирована в глазах верховной власти России и ряда европейских правительств в начале 1820-х г.»¹⁰⁰.

Утопическая мечта самодержца на поверку оказалась лишь мечтой – и только; «евангельское государство» не привело страну ни к конфессиональному, ни к социальному равенству. Студенческие волнения в Пруссии, последовавшие за ними террористические акты, восстание Семеновского полка в России и многое другое содействовало победе «реакционеров», видевших в просвещении главную причину социальной и политической нестабильности. Александр I вынужден был кардинально пересмотреть свои прежние взгляды и осудить все то, что ранее поддерживал и развивал. Основанное на протестантском признании «множественности истин»

⁹⁷ См.: Кавелин К. Д. Злобы дня // *Его же*. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 497, 503.

⁹⁸ См. подр.: Вишленкова Е. А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение»... Казань, 1997. С. 97–131.

⁹⁹ См. подр.: Вишленкова Е. А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение»... Казань, 1997. С. 97, 98–99.

¹⁰⁰ См. подр.: Вишленкова Е. А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение»... Казань, 1997. С. 119.

Министерство духовных дел и народного просвещения, во главе которого стоял личный друг императора князь А. Н. Голицын, в 1824 г. было уничтожено, масонство запрещено, последовали репрессии против Библейского Общества¹⁰¹.

Таким образом, к концу своего царствования Александр I перестал рассматривать неправославные христианские конфессии и просветительские учреждения как различные пути к единой Истине. После 1824 г. государственная власть в России более не возвращалась к идее создания специального объединенного Министерства духовных дел, ибо централизация управления религиозными и церковными организациями не привела к «прививанию» в обществе буржуазных свобод, в том числе религиозной толерантности. Этот факт, думается, необходимо особо учитывать при рассуждении о «реакции» последовавшей эпохи Николая I, о своеобразной «консервации» многих важных вопросов – *ad calendas graecas*.

Император Николай I по существу продолжил и довел до логического завершения тот процесс формирования государственной идеологии, безусловно основанной на религиозных ценностях, который был явно намечен в последние годы жизни его брата. Противники «евангельского государства» еще при жизни Александра I в деле построения управленческого «духовного» ведомства руководствовались конфессиональным принципом, а в вопросе построения церковно-государственных отношений – укреплением союза империи с Православной Российской Церковью. Однако изменение после 1824 г. религиозной политики государства не остановило процесса усиления светской власти в церковных делах. Как замечал протоиерей Георгий Флоровский, «падение “духовного министерства” в 1824 году <...> несколько не изменило общего характера церковно-государственных отношений. Фотий (архимандрит, один из лидеров «православной оппозиции», добивавшейся упразднения Министерства князя А. Н. Голицына. – С. Ф.) напрасно поторопился объявить: “Министр наш един Господь И[исус] Христос во славу Бога Отца”. Ибо “мирской человек” по-прежнему сохранял власть в Церкви». А «при обер-прокуроре С. Д. Нечаеве (1833–1836) этот процесс превращения церковного управления в некое особое “ведомство” даже и ускоряется»¹⁰². Стоит задаться вопросом: в чем причина ускорения названного выше процесса именно в эпоху Николая I?

Для ответа на него вновь необходимо вернуться к характеристике К. Д. Кавелина. Ученый, обративший внимание на то, что николаевские годы – переходный период от «подражания» к «пробуждению», указал и на крутой поворот к старине, совершенный в николаевских законодательстве и администрации, к старине, «в которой, как тогда думалось, хранятся сокровища истинной народности, источники истинно народного духа». И это при том, что старину знали тогда очень плохо, принимая за нее всё желаемое. «Как бы то ни было, но все, в чем выражалось усилившееся предрасположение к иностранному в воспитании, в литературе, в управлении и войске, тщательно изглаживалось»¹⁰³.

Значило ли это отказ от европейского наследия, усвоенного за более чем столетие?

Разумеется, нет.

В условиях политических и социальных изменений, происходивших тогда в Западной Европе, Россия должна была четко определиться и заявить свое политическое credo. Уже к середине 1820-х годов власть осознавала в качестве главной угрозы стабильному существованию России угрозу революции, которой необходимо было противопоставить нечто прочное,

¹⁰¹ При этом следует иметь в виду, что Высочайший рескрипт на имя управляющего Министерством внутренних дел графа В. П. Кочубея «О уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ» последовал ещё 1 августа 1822 г. (см.: Карпачев С. Тайны масонских орденов. М., 2007. С. 49). Николай I лишь подтвердил этот рескрипт (21 апреля 1826 г.). Что касается Библейского Общества, то следует иметь в виду: доклад о необходимости его закрытия был представлен митрополитом Серафимом (Глаголевским) ещё в декабре 1824 г., решение же о его закрытии последовало 12 апреля 1826 г. (см. подр.: Пытин А. Н. Религиозные движения при Александре I. СПб., 2000. С. 256–274 и др.).

¹⁰² Флоровский Г., прот. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 202.

¹⁰³ Кавелин К. Д. Московские славянофилы сороковых годов // *Его же*. Наш умственный строй... С. 358.

исконное, «свое». Если Александр I мучительно пытался разрешить существовавшее в его империи противоречие между европейской «формой» и национальным «содержанием», сочувствуя традициям европейского либерализма и понимая значение свободы личности (хотя бы в теории), то его брат и наследник без всякого внутреннего сомнения полагал, что нашел разрешение названного выше противоречия в абсолютизации самодержавного принципа, основанного на религиозной подкладке. Мотивация также была проста и понятна: охранение «подлинной» русской жизни (т. е. того, что принималось за «подлинную жизнь»).

Как известно, лучше других сумел понять это и выразить в слове министр народного просвещения граф С. С. Уваров, автор знаменитой формулы православия, самодержавия и народности. «Мы, то есть люди XIX века, – полагал Уваров, – в затруднительном положении; мы живем среди бурь и волнений политических. Народы изменяют свой быт, обновляются, волнуются, идут вперед. Никто здесь не может предписывать своих законов. Но Россия еще юна, девственна и не должна вкусить, по крайней мере теперь еще, сих кровавых тревог. Надобно продлить ее юность и тем временем воспитать ее. Вот моя политическая система»¹⁰⁴.

Итак, европейское наследство не отрицалось, опыт его постижения использовался, но с учетом того обстоятельства, что Россия еще «юна». Воспитание естественно предполагалось основывать, как и ранее, на авторитете самодержавной власти и на помощи Православной Церкви, которую постепенно научались воспринимать не только как естественного союзника имперских властей, но и как часть этой самой власти. С учетом сказанного можно понять и согласиться с утверждением, что всю свою энергию Николай I посвятил *принципу самодержавия*, которое опиралось на официальную Церковь, не терпело ни масонских лож, ни библейских обществ. По выражению Ламартина, его правление имело целью достигнуть «неподвижности мира». По-военному управляя ведомством православного исповедания, император ревностно следил за чистотой православия, всячески содействуя репрессиям против старообрядцев и поощряя часто насильственное «обращение» униатов¹⁰⁵.

«Неподвижность мира» – своеобразный синоним стабильности, воспринимаемой преимущественно как регламентация и опека. В. О. Ключевский полагал, что Николай I (как и его предшественники Павел I и Александр I) владели, а не правили Россией, проводя династический, а не государственный интерес, упражняя волю и не желая (не умея) понять нужд народа¹⁰⁶. Думается, разделение династического и государственного интереса применительно к самодержцам первой половины XIX в. едва ли возможно, ибо они ассоциировали себя с тем государством, которым управляли. Более того, у самодержцев соединение государственного и династического основывалось на религиозном фундаменте, а именно на восприятии власти как Богом дарованной. Другое дело, как воспринимал самодержец свои религиозные прерогативы, как ими пользовался, и каким образом все это сказывалось на положении господствовавшей Церкви империи – Православной.

Известно, что на Николая I огромное влияние оказали лекции Н. М. Карамзина, который прочел молодому монарху своеобразный курс патриотической политики. «Мы одно любим, – писал Карамзин в предисловии к своей “Истории государства Российского”, – одного желаем – любим отечество; желаем ему благоденствия еще более, нежели славы; желаем да не изменится никогда твердое основание нашего величия; да правила мудрого Самодержавия и Святой Веры более и более укрепляют союз частей; да цветет Россия... по крайней мере, долго, долго, если на земле нет ничего бессмертного, кроме души человеческой»¹⁰⁷.

¹⁰⁴ Цит. по: *Никитенко А. В.* Моя повесть о самом себе... Т. I. С. 267. Запись от 8 августа 1835 г.

¹⁰⁵ *История XIX века / Под ред. проф. Лависса и Рамбо.* М., 1938. Т. 3. С. 162–163.

¹⁰⁶ *Ключевский В. О.* Дневники // *Его же.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории... С. 316. Запись от 30 января 1911 г.

¹⁰⁷ *Карамзин Н. М.* История государства Российского. М., 1989. Т. I. С. 22.

По мнению А. А. Корнилова, в этих словах и содержатся все элементы теории официальной народности. К тому же на роль самодержца Н. М. Карамзин смотрел как на миссию, так как ему (самодержцу) вручена самодержавная власть для постоянного служения благу страны, а не для осуществления прихотей и апризов¹⁰⁸. Карамзин же внушал императору мысль, что главное – не новые учреждения, а искусный подбор людей – исполнителей самодержавной воли, агентов власти¹⁰⁹.

Данная идея была весьма востребована в правление Николая I. Он ценил тех, кто понимал основные принципы осуществлявшегося им управления страной. В основе своей это были принципы религиозные (даже лучшей теорией права император считал добрую нравственность, взращенную на религии). Реализация этих принципов виделась венценосцу только на пути службы: «Я смотрю на всю человеческую жизнь только как на службу, так как каждый служит», – любил повторять Николай I¹¹⁰. Безусловно понимавшим императора человеком был граф С. С. Уваров, оформивший николаевские взгляды в триаду. Последнее обстоятельство следует подчеркнуть особо: не Уваров «придумал» *теорию официальной народности*. Укрепление отечества граф воспринимал как задачу религиозную, полагая, что необходимо «собрать в одно целое священные останки ее (России. – С. Ф.) народности и на них укрепить якорь нашего спасения». Во всеподданнейшем докладе, посвященном десятилетию деятельности Министерства народного просвещения (1833–1843 гг.), Уваров последовательно развивал мысль о глубокой привязанности русских «к Церкви отцов своих», о том, что преданный отечеству человек не согласится «на утрату одного из догматов нашего *православия*, сколь и на похищение одного перла из венца Мономахова. *Самодержавие*, – подчеркивал Уваров, – составляет главное условие политического существования России». Рядом «с сими двумя национальными началами» находилось и третье – *народность*¹¹¹.

Как видим, национальные начала связывались неразрывно, причем явственно проводилась мысль о неизменной связи самодержавия и народности, спаянных единой верой. Получалось, что русский абсолютизм заявлял себя в качестве православного, указывая этим не только на религиозные приоритеты власти, но и на существование жесткой подчиненности религии политическим видам поликонфессионального государства, в котором народность понималась сугубо моноконфессионально. Характеризуя православие в контексте триады, А. Е. Пресняков точно, на мой взгляд, отмечал, что это православие – одна из опор власти, «отнодь не та “внутренняя правда” самостоятельной и авторитетной русской Церкви, о которой мечтали славянофилы, а вполне реальная система церковного властвования над духовной жизнью «паствы», притом церковность – орудие политической силы самодержавия, вполне покорное гражданской власти под управлением синодального обер-прокурора»¹¹². Если принять это определение в качестве «внешней» характеристики положения Церкви в николаевской России, то следует задаться вопросом: возможно ли существовавшую систему соподчиненности власти светской (абсолютизма) и власти духовной назвать православным абсолютизмом, т. е. констатировать не только очевидную зависимость «Церкви от Царства», но и обратить внимание на усиление личного влияния монарха на ход православных дел *как дел общеимперских?*

Полагаю, что при ответе на поставленный вопрос необходимо сказать несколько слов как о личной религиозности самодержца, так и о политике, проводившейся от его имени в Православной Церкви.

¹⁰⁸ Корнилов А. А. Теория «официальной народности» и внутренняя политика Николая I // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1914. Т. IV. Ч. II. С. 90.

¹⁰⁹ Корнилов А. А. Теория «официальной народности» и внутренняя политика Николая I // Книга для чтения по истории нового времени. М., 1914. Т. IV. Ч. II. С. 91.

¹¹⁰ Пресняков А. Е. Николай I. Апогей самодержавия // Российские самодержцы. М., 1990. С. 267, 268.

¹¹¹ Эпоха Николая I / Под ред. М. О. Гершензона. М., 1910. С. 116.

¹¹² Пресняков А. Е. Николай I. Апогей самодержавия... С. 295.

Безусловно, император был человеком верующим, искренно убежденным в своих помазаннических прерогативах. Управляя империей, он считал вполне естественным обращать самое пристальное внимание *на ход церковных дел*: для Николая мелочей не существовало. О вере и Церкви он вспоминал достаточно часто и по различным поводам. Так, отправляясь летом 1835 г. на свидание с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом IV и опасаясь покушения польских патриотов, император оставил сыну, будущему императору Александру II, краткое завещание, в котором показал себя уповающим на волю Божию, которой и сына призывал покоряться безропотно, не думая о нем, отце, но думая лишь о России. Николай призывал цесаревича соблюдать строго все, что предписывалось Церковью, только на Бога возлагая всю надежду. «Он тебя не оставит, – писал царь, – доколь ты к Нему обращаться будешь. Ступай смело и велик Бог русский»¹¹³.

Указание на «русского Бога» весьма симптоматично: император соединял национальные и религиозные представления воедино. Самодержавная власть, убеждал он цесаревича, неразрывно связана с религией и, по существу, священна. Отказаться от этого убеждения было равносильно отказу от самого себя. Неслучайно современники отмечали, что самодержец не испытывал и тени сомнения в своей власти или в ее законности, обладая верой фанатика, требуя от подданных безусловной покорности прежде всего потому, что «сам проявлял по отношению к идеалу, который считал себя призванным воплотить в своей личности, идеалу избранника Божией власти, носителем которой он себя считал на земле. Его самодержавие милостью Божией было для него догматом и предметом поклонения, и он с глубоким убеждением и верой совмещал в своем лице роль кумира и великого жреца этой религии», в качестве священной миссии избрав сохранение в России этого догмата во всей чистоте и защитив его от посягательств рационализма и либеральных стремлений. К исполнению миссии он считал себя призванным Самим Богом и ради этого готов был принести себя в жертву¹¹⁴. Совершенно очевидно, что Николай I вслед за Людовиком XIV мог бы повторить: «Государство – это я»¹¹⁵.

Подобные взгляды император унаследовал от своих державных предков, приучившись не различать понятия *государь* и *государство*. Неслучайно и на Православную Церковь он смотрел как на *религиозную часть* государства. По мнению П. К. Иванова, русские императоры Петербургского периода вместе с наследием царства «принимали механическое воззрение на свои отношения к Богу, как чудесные ставленники Божией благодати. Они считали себя в делах государства безответственными перед Богом, ибо верили, что Бог каким-то скрытым и чудесным образом через них осуществляет свои помыслы о России»¹¹⁶.

Эта мысль находит подтверждение при разговоре о побудительных мотивах конфликта, имевшего место между Николаем I и митрополитом Филаретом (Дроздовым) – безусловным апологетом самодержавной власти, всегда различавшим религиозный авторитет императора – помазанника Божия и власть, которой располагал этот помазанник в церковных делах. Митрополит Филарет имел собственную теорию священного царства, не совпадавшую с официальной доктриной государственного суверенитета. «Государь всю законность свою получает от церковности помазания», т. е. в Церкви и через Церковь, – писал протоиерей Георгий Флоровский, цитируя митрополита Филарета. – И помазуется только Государь, не государство. Потому органы государственной власти не имеют никакой юрисдикции в делах церковных». По мнению протоиерея Г. Флоровского, образ мыслей владыки Филарета был чужд государственным деятелям николаевского времени, а сам московский святитель казался им опасным

¹¹³ Из записной книжки архивиста. Завещание Николая I сыну // Красный архив. Т. 3. 1923. С. 292–293.

¹¹⁴ Тютчева А. Ф. При Дворе двух императоров... Т. I. С. 96.

¹¹⁵ По словам А. Ф. Тютчевой, «история его (Николая I. – С. Ф.) царствования, история его родины и его народа – это был он и исключительно он». (Там же. С. 99).

¹¹⁶ Иванов П. Тайна святых... Т. II. С. 580.

либералом¹¹⁷. Как бы то ни было, но Николай плохо представлял себе пределы собственных полномочий в Церкви, однажды едва не заставив Св. Синод нарушить каноны.

История произошла летом 1835 г., когда Св. Синод переехал в новое здание на Сенатской площади. 4 июля, впервые в XIX столетии – и, как оказалось, в последний за Синодальный период раз – император лично посетил заседание высшего церковного правительства России. Однако в присутственном зале Николай, прибывший вместе с наследником, не «воссел» на троне, заняв место первоприсутствующего члена (им традиционно был столичный митрополит, «первый по чести» иерарх Российской Церкви). Пользуясь своими ктиторскими правами, самодержец открыл первое заседание речью, в которой подчеркнул, что «ближайшим попечением» полагает охранение православия. Указал он и на то, что особого внимания от Православной Церкви должно быть обращено на воссоединение с униатами и дело обращения раскольников (т. е. старообрядцев), «требующее неослабной бдительности, твердости и постоянства в принятых правилах, без всякого вида преследования»¹¹⁸. Показательно, как монарх «простирает» свое попечение о церковных делах на будущие времена. Николай совершенно искренне желал всесторонне подготовить цесаревича Александра Николаевича к наследованию престола и, «подобно тому, как ввел Его Высочество в Сенат и вскоре намерен ввести в Государственный Совет, признает полезным знакомить его и с церковными делами; и потому соизволяет, чтобы Государь наследник присутствовал иногда при занятиях Синода и под его руководством (Св. Синода. – С. Ф.) <...> предварительно приобретал сведения, потребные для Его высокого назначения»¹¹⁹.

Подобное предложение было уникальным и в своем роде единственным: самодержец предлагал ввести в Св. Синод, где со времен Петра заседали лишь «духовные персоны», лицо светское. Основанием же служило то, что со временем это светское лицо окажется Верховным ктитором Православной Церкви. Получалось, что Николай I видел в Церкви, которую публично славил и которой всячески стремился помогать, прежде всего (и преимущественно) один из высших институтов империи – ведомство православного исповедания, рассматривая ее (Церковь) наравне с Сенатом и Государственным Советом. Неудивительно, что подобный взгляд встретил резкого противника в лице митрополита Филарета (Дроздова). Протоиерей Георгий Флоровский предполагает, что по настоянию именно владыки Филарета император Николай отказался назначить цесаревича к присутствию в Св. Синоде: московский святитель «удивительно неделикатно напомнил о внутренней независимости Церкви»¹²⁰.

Можно ли считать «неделикатность» свт. Филарета исторической случайностью, ведь в главном вопросе – о прерогативах самодержавной власти – он был лучшим союзником монарха?

Вопрос очевидно непрост и не имеет однозначного ответа¹²¹. Московский святитель был воспитанником синодальной системы и не мог представить существования России вне абсолютистской модели управления. Заявляя о необходимости для страны именно этой модели,

¹¹⁷ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия... С. 203.

¹¹⁸ Однако в истории старообрядчества Николай I остался прежде всего как наиболее последовательный гонитель старой веры, «миссионер на царском троне», более занимавшийся «совращением старообрядцев в единоверие, чем государственными делами, совращением принудительным, насильственным, разорительным и губительным для всей страны» (Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул, 1999. С. 167–168). В стихотворной форме старообрядцы характеризовали Николая I следующим образом: Спесью надутый капрал, Носитель русской короны, Случайно трон забрал, Слышит ли тиран старообрядческие стоны? (Там же. С. 181. Комментарии).

¹¹⁹ Материалы для истории Православной Церкви в царствование императора Николая I... Т. 113. С. 238.

¹²⁰ Флоровский Г., прот. Пути русского богословия... С. 202.

¹²¹ Однажды В. В. Розанов заметил, что митр. Филарет и Николай I – первый умом, а второй характером, и оба духом своего управления – дали нечто *завершительное*. «Они хотели быть образцом и примером, которому могли бы следовать преемники их положения». (Розанов В. В. Черная сотня // *Его же*. Около народной души. Статьи 1906–1908 гг. М., 2003. С. 115). В другом месте Розанов сожалел, что два консерватора – митр. Филарет и Николай I – «разошлись по мелочам» (*Его же*. Апокалипсис нашего времени. М., 2000. С. 6).

он, разумеется, должен был выступать рапсодом и временных носителей этой власти. Николай I прекрасно осознавал данное обстоятельство, отдавая должное уму и талантам *своего* иерарха. В самом деле: ведь именно митрополит Филарет в речах и статьях указывал на то, что царь свободно ограничивает свое неограниченное самодержавие только волей Царя Небесного, желанием общего блага, мудростью и великодушием, уважением к законам – своим и предшественников, т. е. *ничем внешним* не ограничивает. Ведь именно митрополит Филарет убеждал современников, что Бог по образу Своего единоначалия создал на земле царя, по образу Своего вседержительства – царя самодержавного, по образу Своего вечного царства – царя наследственного. Ведь именно митрополит Филарет убеждал Николая I, что его престол «осенен покровом Провидения», что «во дни, необильные миром» его подданные «в мире: потому что над ним бодрствует» самодержавный дух императора. Митрополит Филарет не забывал указывать и на то, что именно благочестием и самодержавием Николая I всегда крепка и счастлива *его*, монарха, *Россия*¹²². Однако Московский святитель никогда не говорил о власти монарха в Церкви, считал обер-прокуратуру Св. Синода своего рода «технической службой», а не самостоятельным ведомством, решавшим церковные вопросы за Церковь.

Возможно предположить, что московский святитель не хотел признавать естественность претензий светской власти на решение церковных дел, следовательно, не признавал безусловность власти самодержца во всех вопросах, стоявших перед империей. А. И. Герцен, вспоминая митрополита Филарета («народ его не любил и называл масоном, потому что он был в близости с князем А. Н. Голицыным и проповедовал в Петербурге в самый разгар Библейского Общества»), указывал как ловко и хитро владыка умел унижать временную власть. Герцен писал, как митрополит Филарет с амвона проповедовал о том, что человек не может быть *законно* орудием другого человека и что между людьми может быть только обмен услуг. Колодникам в пересыльной тюрьме он напоминал, что, наказанные, они уже покончили со своим прошлым, в то время как на свободе есть еще большие, чем они, преступники, вероятно намекая на чиновников. В 1830 г. проповедь чуть не стоила митрополиту Филарету кафедры: на молебствии по случаю холеры он рассказал, «как ангел предложил Давиду избрать войну, голод или чуму; Давид избрал чуму. Государь, – вспоминая эту историю Герцен, – приехал в Москву взбешенный, послал министра Двора князя Волконского намылить Филарету голову и грозился его отправить митрополитом в Грузию. Митрополит смиренно покорился и разослал новое слово по всем церквам, в котором пояснял, что напрасно стали бы искать какое-нибудь приложение в тексте первой проповеди к благочестивейшему императору, что Давид – это мы сами, погрязнувшие (так в тексте. – С. Ф.) в грехах. Разумеется, тогда и те поняли первую проповедь, которые не добрались до ее смысла сразу»¹²³. Герцен видел за всем этим «игру» в оппозицию.

Однако возможно ли говорить об игре?

Очевидно, нет. Митрополит Филарет не был политическим оппонентом императора, но, выступая против усиления светского начала в Церкви, объективно оказывался раздражителем для светской власти. Апогей самодержавия означал для Православной Церкви доведение петровской синодальной реформы до логического завершения и создание ведомства православного исповедания, подобного уже имевшимся министерствам. Этого-то никак и не хотел признавать митрополит Филарет, но именно подобное реформирование наиболее устраивало императора Николая I как самодержавного, ничем не ограниченного владыку. В годы его царствования власть окончательно утверждала свою суверенную самодостаточность и в Православной Церкви, причем как *de jure*, так и *de facto*.

Воспринимая человеческую жизнь только как службу, император и в Церкви видел прежде всего институт по воспитанию добропорядочных подданных: социально-политическая

¹²² См.: Самодержавие. История, закон, юридическая конструкция. СПб., 1906. С. 176–178.

¹²³ Герцен А. И. Былое и думы... Т. I. С. 105.

«форма» определяла (и подменяла) в николаевское время любое «содержание». Неслучайно, говоря о психологической теории политического консерватизма той эпохи, А. Е. Пресняков отмечал: «Вне государственного порядка – только хаос отдельных личностей»¹²⁴. Государственный порядок наводился везде, в том числе и в Православной Церкви, где обер-прокуратура Св. Синода должна была играть не столько *контролирующую*, сколько *координирующую* общеимперскую церковную политику роль. Соответственно, должна была возрасти роль обер-прокурора Св. Синода и упасть значение «синодальных персон». Доброе отношение царя к духовному сановнику не имело к этому никакого отношения.

Иллюстрацией сказанному может послужить история столичного митрополита Серафима (Глаголевского), к которому Николай I испытывал глубокое уважение. После 14 декабря 1825 г., когда митрополит не побоялся выехать к восставшим войскам на Сенатскую площадь для увещевания декабристов и с предложением сложить оружие, его положение у трона окрепло настолько, что владыка получил право *лично* являться к царю¹²⁵.

Такое право в николаевское время уникально, ведь именно к середине XIX в. все императорские повеления, касавшиеся Православной Церкви, передавались только через обер-прокурора Св. Синода. Показательно, что первого обер-прокурора, доставшегося Николаю I еще от брата, – князя П. С. Мещерского – даже церковные исследователи называли чиновником, не отвечавшим своей должности, «которая вовсе не призвана была играть пассивной роли, с точки зрения правительства, а напротив быть действительной властью»¹²⁶. Два последующих николаевских обер-прокурора – С. Д. Нечаев (1833–1836) и граф Н. А. Протасов (1836–1855) – правильно понимали стоявшие перед ними задачи, позиционируя себя как носителей высшей, по сравнению с членами Св. Синода, власти. Показательно, что С. Д. Нечаев, даже не будучи близок к самодержцу, передавая всеподданнейшие доклады¹²⁷ не лично, а через статс-секретарей, получая распоряжения через посредство «высших лиц», а не лично, «позволял себе кричать на членов Синода и не исполнял решений Синода, если они были противоположны его мнениям». Совершая инспекторские поездки по епархиям, он держал себя как высшая для духовенства власть, позволял себе кричать на архиереев, делал им выговоры и замечания, пугал их отправкой на покой и вообще «наводил страх»¹²⁸.

Максимализм и нетерпимость С. Д. Нечаева привели к тому, что синодалы решили заменить его, воспользовавшись вынужденным отпуском обер-прокурора. Собственно, последней каплей, переполнившей чашу терпения архиереев, стала замена (в докладе) синодальных кандидатов на епископскую кафедру другими, по выбору обер-прокурора и без их, архиереев, ведома. От лица Св. Синода императору через митрополита Серафима был представлен доклад, в котором выдвигалась просьба перевести С. Д. Нечаева, как человека больших познаний, опыта и государственных способностей на другую, более высокую должность, а на его место назначить временно исполнявшего тогда обязанности обер-прокурора графа Н. А. Протасова. Император был недоволен этой просьбой (просьба синодалов нарушала установившуюся традицию – получать повеления и давать ответы через посредство обер-прокурора), но доклад все-таки утвердил. Граф оказался идеальной фигурой, понимавшей взгляды императора на развитие церковно-государственных отношений в России. Именно Н. А. Протасов завершил строительство ведомства православного исповедания, став по сути «министром цер-

¹²⁴ Пресняков А. Е. Николай I. Апогей самодержавия... С. 268.

¹²⁵ Гурьев Н., священник. Обер-прокурорская власть в царствование императора Николая I // РНБ. Отдел рукописей и редких книг. Ф. 574. Оп. 2. Д. 53. Л. 81–81 об.

¹²⁶ Гурьев Н., священник. Обер-прокурорская власть в царствование императора Николая I // РНБ. Отдел рукописей и редких книг. Ф. 574. Оп. 2. Д. 53. Л. 128.

¹²⁷ Годовые отчеты обер-прокуроров Св. Синода ввели в 1826 г. (см.: Римский С. В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ... С. 47. Анализ этих отчетов специально посвящен десятый очерк).

¹²⁸ Гурьев Н. Обер-прокурорская власть в царствование императора Николая I... Л. 133.

ковных дел». «Протасов обладал всем, что требовалось в то время для развития сильной власти: “громadne связи при Дворе”, “хитрый ум”, “уменьe делать дела”, а главным при этих качествах было его назначение по выбору самого Синода». В период правления графа Н. А. Протасова император принимал доклады Св. Синода только через него, точно также передавая Св. Синоду свои распоряжения. При нем установилось право, общее для всех министров и главноначальствовавших: право личного доклада самодержцу¹²⁹.

В 1830–1840-е гг. граф Н. А. Протасов провел ряд административных реформ, безоговорочно подчинив Св. Синод власти светского чиновника. В 1839 г. он добился утверждения проекта нового учреждения канцелярии обер-прокурора, приступив затем к переустройству хозяйственной части. Цель переустройства была проста: устранить Св. Синод от управления хозяйством своего ведомства и поставить это хозяйство под непосредственный контроль обер-прокурора в лице подчинявшегося ему директора Хозяйственного управления. Новые учреждения, окружая Св. Синод, «в некотором смысле разделяли его деятельность». При этом Св. Синод не принимал деятельного участия в преобразованиях своего обер-прокурора, некогда назначенного благодаря поддержке его членов¹³⁰. Удивительно ли это?

Очевидно, что нет. Регламентация политической жизни неизбежно ставила церковные власти под патронаж властей светских, тем более что в подавляющем большинстве они состояли из православных. В николаевское время специальным циркуляром все чины, служившие в губерниях (даже не находившиеся в прямом подчинении губернатору, *в том числе и архиереи*), должны были «оказывать ему всяческое уважение», являясь по первому его требованию. «Таким образом, никто из архиереев не мог управлять своей паствой без вмешательства светской власти»¹³¹.

Пример показывал сам император. За тридцать лет николаевского правления по личному указанию самодержца епископам было сделано 4 выговора, 1 строгое и 1 обычное «высочайшее» замечание (5 выговоров и замечаний за те же годы наложил на архиереев Св. Синод). Показателен случай с епископом Воронежским Антонием (Смирницким), первым получившим высочайший выговор. История достаточно проста и характерна: в конце декабря 1827 г. епископ объявил жандармскому подполковнику Волкову, осуществлявшему политический надзор в Воронежской губернии, что в домовй архиерейской церкви обнаружен конверт с письмом и запечатанный пакет на имя императора. Полагая, что в пакете пасквиль, офицер с согласия архиерея вскрыл пакет и ознакомился с его содержанием. Там находились предположения относительно «преобразования некоторых частей управления и уверения, что в случае неисполнения предлагаемых мер вскоре последует всеобщий бунт». Бумагу отправили начальнику III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии графу А. Х. Бенкендорфу, тот переслал ее воронежскому губернатору. Автором оказался ученик Воронежской семинарии. Тем происшествие и закончилось. Граф доложил о произошедшем Николаю I, который выразил свое недовольство в резолюции: «Сделать строжайший выговор подполковнику Волкову и преосвященному Антонию за то, что смели распечатать бумагу, писанную на Мое имя»¹³². Как видим, нарушение, совершенное из сугубо верноподданнических чувств наказывалось «строжайшим выговором» потому, что нарушало незыблемое право самодержца: получать информацию, адресованную на высочайшее имя, только самому.

Искренне считая себя православным государем, Николай I не видел тех пределов, которые могли бы помешать ему *лично управлять* Церковью. Он стремился знать обо всем, что происходило в империи, в том числе и «по духовной части». Так, в начале 1827 г. император

¹²⁹ Там же. Л. 157 об. – 158, 161, 163 об.

¹³⁰ Барсов Т. В. Святейший Синод в царствование императора Николая I // Христианское чтение. 1895. Вып. 5. С. 287–288.

¹³¹ Римский С. В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ... С. 75.

¹³² Материалы для истории Православной Церкви в царствование императора Николая I... С. 341.

заявил Св. Синоду, что через губернские начальства он знает о вопросе, который иногда ставится перед синодальным обер-прокурором: известен ли тот или иной проступок духовных лиц их (лиц) начальству?

В связи с этим Николай предписал доносить в Св. Синод «непрерывно в свое время и без всякого опущения» о всех случавшихся в храмах происшествиях¹³³. А спустя два года обер-прокурор вновь напомнил синодалам о повелении императора доносить ему «о важных происшествиях тотчас же»¹³⁴. Самодержец, как видим, хотел максимально реализовать свое право во всем и для всех быть последней инстанцией.

Он строил такую модель церковно-государственных отношений, которая не предусматривала церковной инициативы – Св. Синоду, например, оставили лишь право утверждать и решать те дела, в которых без него уже никак нельзя было обойтись или те, которые представил на рассмотрение обер-прокурор. Очевидно, поэтому митрополит Филарет как-то заявил о графе Н. А. Протасове: «шпоры генерала цепляются за мою мантию»¹³⁵. Разумеется, дело было не в генерале, а в том, что он «умел понять взгляды времени», уяснив не только себе, но и архиереям Православной Церкви, что обер-прокурорская власть – всего лишь «проводник взглядов правительства в ведомство Синода», орган, долженствующий согласовывать жизнь Церкви с жизнью государства¹³⁶. Согласование предполагало подчинение, утверждение системы поощрений и наказаний. Порочная синодальная традиция частой смены епархиальных архиереев в эпоху Николая I еще более утверждается – только за период управления обер-прокуратурой графа Н. А. Протасова в епископский сан возвели 40 человек, существенно обновив иерархию.

Значит ли это, что Николай I стремился *только* к утверждению в Православной Церкви своей безраздельной власти?

Конечно же, нет. Как мог, он старался помогать «первенствующей и господствующей» в империи Церкви, с 1828 г. приступив к выплатам денежных средств бедным причтам. С 1842 г. ведет свое начало пенсионное обеспечение русского духовенства¹³⁷. Именно в эпоху Николая I был принят указ об освобождении священнослужительских детей от телесного наказания и об изъятии священнического сана от действия законов о простолюдинах¹³⁸. Критически настроенный к церковным властям дореформенной России священник И. С. Беллюстин призывал даже вечное благословение на имя Николая I «за то, что он хотел восстановить горькое и несчастное духовенство сельское!»¹³⁹.

Однако и лучшие стремления императора не могли заменить принципа соборности, о восстановлении которого в николаевское время не могло быть и речи. В условиях господства теории «официальной народности» надеяться на церковную реформу было абсурдно. «Форма» полностью поглотила «содержание» – «православие» оказалось подменено ведомством православного исповедания, «самодержавие» явно клонилось в сторону бюрократического и династического абсолютизма, а «народность» противопоставлялась национальной идее (в 1847 г. официально предписали бороться со «стремлением некоторых авторов к возбуждению в читающей публике *необузданных порывов патриотизма*»)¹⁴⁰.

¹³³ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государя императора Николая I. Пг., 1915. Т. I. С. 128.

¹³⁴ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государя императора Николая I. Пг., 1915. Т. I. С. 318.

¹³⁵ Цит. по: Розанов В. В. Апокалипсис нашего времени... С. 6. Фраза была донесена императору.

¹³⁶ См. подр.: Гурьев Н. Обер-прокурорская власть в царствование императора Николая I. Л. 244. Подробный рассказ об обер-прокурах Св. Синода – в девятом очерке.

¹³⁷ Римский С. В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ... С. 121, 128.

¹³⁸ Полное собрание постановлений и распоряжений... С. 651, 872.

¹³⁹ Описание сельского духовенства // Русский заграничный сборник. Berlin; Paris; London, 1858. Вып. IV. С. 69.

¹⁴⁰ Чулков Г. Ф. И. Тютчев и его эпиграммы... С. 77.

Каков же результат?

«Православный абсолютизм» Николая I способствовал усилению светского контроля над церковными делами, содействуя полному и окончательному включению главной конфессии империи в политическую систему государства. Николаевская эпоха показала всем, включая апологетов самодержавия в рядах самой Церкви, что «первенство» конфессии вовсе не равнозначно ее свободе: в религиозно ориентированном государстве Церковь оказывается прежде всего – и преимущественно – силой власти «мира сего», даже если эта власть и называет себя православной. «Православный абсолютизм» – естественное порождение русской самодержавной власти в эпоху ее апогея. Борясь с «революционным духом», Николай I полагал, что европейские волнения 1830-х – 1840-х гг. вызваны безверием, которому в России он не позволит распространиться¹⁴¹.

Воспринимая свою власть в качестве гаранта сохранения «веры и благочестия» в стране, император до конца жизни оставался сторонником внешней поддержки главной конфессии, так и не дав ответа на вопрос: «Святая Церковь не более ли нуждается в помощи правительства к развитию ее внутренних сил, чем в насильственном содействии к обращению уклонившихся или к воссоединению отпавших?»¹⁴².

В самом деле: развитие «внутренних сил» предполагало наличие внутрицерковной свободы, а ее «даровать» Николай I не мог и не хотел. Этому мешали четко усвоенные принципы «православного абсолютизма». Круг замыкался, востребованной оставалась лишь триада, этот политико-религиозный суррогат, воспринимаемый как последний «якорь нашего спасения». Разрушение политических принципов николаевской монархии после Крымской катастрофы означало и пересмотр тех принципов, на которых держался «православный абсолютизм». Эпоха Великих реформ Александра II стала доказательством этой непреложной истины.

¹⁴¹ Никитенко А. В. Моя повесть о самом себе... С. 381–382. Запись от 15 декабря 1848 г.

¹⁴² Эпоха Николая I... С. 186.

Очерк третий. «Охранительная идеология» и Православная Церковь в России 1825–1861 гг.

В отечественной историографии эпоха Николая I (1825–1855) традиционно считается временем реакции, когда основной задачей было укрепление «исконных» начал существовавшей в империи власти, более всего опасавшейся покушений на самодержавный принцип – основу основ российской политической системы. Но можно ли утверждать, что стремление сохранить «чистое самодержавие» было проявлением политической недалёковидности и «тупой реакционности» Николая I? Столь простой ответ на серьёзный вопрос сводит проблему к личной воле верховного носителя власти, заставляя – хотим мы этого или нет – абсолютизировать его политические возможности. А между тем, и для неограниченного самодержца существовали свои «пределы возможного». Давно замечено, что своим расцветом в николаевскую эпоху самодержавие обязано состоянию страны, в которой разлагалась прежняя основа государственного быта – крепостное право и крепостническое хозяйство, вырождались выросший на этой основе общественный и политический строй, усиливалось недовольство крестьянской массы, замедлялось развитие промышленности. «Настоящее положение таково, – говорил Николай I в одном из своих секретных комитетов, изучавших очередные вопросы русской жизни, – что не может продолжаться, а решительные к прекращению оного меры без общего потрясения невозможны». А. Е. Пресняков, упомянувший эти «безнадежные слова», заметил: в них – «основная идея николаевского царствования»¹⁴³.

Неустойчивое равновесие между старым и новым делало положение Николая I двусмысленным: с одной стороны, необходимость реформ, прежде всего решения крестьянского вопроса, осознавалась достаточно ясно; с другой стороны, изменение жизни и быта, структурные подвижки в обществе могли привести к самым трагическим последствиям, «сотрясению основ». Подобного сотрясения, новой «пугачевщины» боялись не менее, чем опасного бездействия. Вопрос «что делать?» в тех условиях сводился к другому: «С чего начать?». К тому же вопрос этот осложнился восстанием 14 декабря. Оно продемонстрировало не только желание дворянских революционеров установить новый политический – и, соответственно, экономический – порядок в России, но также показало властям и отношение народа к «благородному сословию». Секретные агенты доносили, что народ «повсеместно радовался, что царь (по крестьянским понятиям источник добра) 14 декабря в Петербурге побил дворян (разумеется, «носителей зла») и, стало быть, вскоре выйдет свобода, дарованная свыше!» Когда ожидание обмануло, народ определил, что этот царь фальшивый, «самозванный», и стал искать настоящего монарха, которого заподозрили в Константине¹⁴⁴.

В таких условиях император, воспринимавший самодержавную власть в духе «Записки о древней и новой России» Н. М. Карамзина¹⁴⁵, достаточно быстро пришел к мысли исправить существовавшие в империи неполадки, следуя не путем реформ, а методом частичных их (непорядков) исправлений. «Ничего не переменять, не вводить ничего нового в основаниях, а только поддерживать существующий порядок, восполнять пробелы, чинить обнаружившиеся ветхости», – так сформулировал задачу николаевского царствования В. О. Ключевский¹⁴⁶. Эта задача решалась без участия общества, сугубо правительственными средствами. В итоге, решение оказалось неудовлетворительным («жгучие вопросы», доставшиеся по наследству от

¹⁴³ Пресняков А. Самодержавие Николая I // Русское прошлое. Исторические сборники. Пг.; М., 1923. Кн. 2. С. 10.

¹⁴⁴ Эйдельман Н. «Революция сверху» в России... С. 100–101.

¹⁴⁵ «Самодержавие есть палладиум России, – писал Н. М. Карамзин, – целость его необходима для ее счастья» (Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 105).

¹⁴⁶ Ключевский В., проф. Курс русской истории. М., 1937. Ч. V. С. 336.

брата, Николай I не снял, хотя понимал их «еще сильнее», чем Александр). Что же это значит? Да и можно ли говорить о принципиальной неразрешимости тех задач, которые история доверила решать русскому *неограниченному самодержавию* в XIX веке? По результатам – можно, но, полагаю, с одной оговоркой: отказаться от прерогатив своей власти русские императоры психологически не могли; это значило предать тот самый самодержавный принцип, с указания на который мы начали настоящий разговор. Следовательно, необходимо признать, что осознание проблемы далеко не всегда есть залог успешного ее решения: ведь изменение существовавшей системы политических координат обесценивало самодержавную власть.

Итак, для Николая I существовали принципы, поступиться которыми он не мог и не хотел, при этом отдавая себе отчет в том, что социальные и экономические изменения необходимы. На фоне происходивших в Западной Европе 1830-х – 1840-х гг. революций император все более склонялся к мысли о необходимости «задержать поток». «Революция на пороге России, – сказал он после 14 декабря 1825 г., – но, клянусь, она не проникнет в Россию, пока во мне сохранится дыхание жизни»¹⁴⁷. Вся жизнь императора и была посвящена борьбе с «новыми идеями», консервации русской жизни в тех формах, которые, как казалось Николаю I и его бюрократам, наиболее отвечали национально-государственным традициям страны и ее населения. Неслучайно К. Д. Кавелин замечал, что в николаевское царствование и в законодательстве, и в администрации совершался «крутой поворот к старине, в которой, как тогда думалось, хранятся сокровища истинной народности, источники истинно народного духа»¹⁴⁸.

Обратим внимание: дело не в том, что старину знали тогда плохо, а в самом обращении к ней! Положительные стороны «охранительной идеологии», таким образом, могли усматривать именно в том, что она позволяла прикоснуться к источникам «истинно народного духа», «консервируя» – «пробудить». Писал же К. Д. Кавелин, что «эпоха Николая I, закончившего петровский (т. е. ученический. – С. Ф.) период русской истории, пробудила национальную русскую мысль, дала ей первый толчок»¹⁴⁹! Получается, что самостоятельная мысль пробудилась если *не благодаря эпохе*, то уж в любом случае *в эпоху*, когда в России царила «цареградская философия рабства» (по слову А. И. Герцена). Возможно ли такое, и как в таком случае правильно понимать выражения «охранительная идеология», «эпоха реакции», период «тридцатилетней контрреволюции» и т. п. характеристики, обыкновенно прилагаемые к годам правления Николая I? Кроме того, как нам оценивать роль Церкви в укреплении «охранительной идеологии», тем более что говорить о русском самодержавии, игнорируя феномен православия, не просто некорректно, но и невозможно?

В. И. Даль определял консерватора как боронителя, сохранителя, охранителя, т. е. того, «кто блюдет настоящий порядок дел, управленья», являясь противником новизны и перемен. Соответственно, консервативность обозначалась им как охрана, обережение чего-либо¹⁵⁰. В отличие от консерватора, под либералом понимался «политический вольнодумец, мыслящий или действующий вольно; вообще, желающий больше свободы народа и самоуправления»¹⁵¹. Полагаю, что это определение возможно использовать при разговоре о времени Николая I, ибо борьба против новизны (в ее тогдашнем европейском понимании) для императора была вполне естественна и логична. Точно также понимали термин консерватизм и исследователи конца XIX – начала XX вв., видя в консерватизме «стремление отстаивать существующее против всякого новшества, господствующие политические и социальные формы – против стрем-

¹⁴⁷ Цит. по: История СССР / Под ред. проф. М. В. Нечкиной. М., 1949. Т. II. С. 154.

¹⁴⁸ Кавелин К. Д. Московские славянофилы сороковых годов // *Его же*. Наш умственный строй... С. 358.

¹⁴⁹ *Его же*. Злобы дня // Там же. С. 503.

¹⁵⁰ См.: Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб.; М., 1881. Т. 2. С. 154. *Conservare* (лат.) – сохранять.

¹⁵¹ См.: Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. СПб.; М., 1881. Т. 2. С. 255.

лений к глубоким и широким преобразованиям, в особенности, если они имеют революционный характер»¹⁵².

Но Николай I стремился не просто отстаивать прошлое, как бы дорого оно ему ни было, он желал пробудить под старой формой новое (т. е. давно забытое, но испокон веков существовавшее – так он думал) содержание. Содержание это и нашло свое выражение в теории «официальной народности». Окончательным оформлением теория обязана графу С. С. Уварову, но не он должен считаться изобретателем триады «православия, самодержавия и народности». Триада не столько объясняла, сколько констатировала те принципы, на которых существовала Российская империя, и без которых она неминуемо должна была пасть. Для Николая I это было очевидно как в силу воспитания, так и благодаря политическому – и, что не менее важно, идеологическому – образованию.

Огромное влияние на самодержца оказали лекции Н. М. Карамзина. Придворный историограф на роль самодержца смотрел как на миссию, которую необходимо выполнять, служа благу и интересам страны. Именно Карамзин проводил ту мысль, что для устранения имевшихся злоупотреблений важны не новые учреждения, а люди. В предисловии к «Истории государства Российского» он писал, что, любя Отечество, надо желать неизменности твердого основания «нашего величия», указывая, что «правила мудрого Самодержавия и Святой Веры более и более укрепляют союз частей». «В этих словах, – полагал А. А. Корнилов, – очевидно, содержатся все элементы пресловутой теории официальной народности: и народность (в смысле особой, патриотической любви к своему народу), и самодержавие, и православие»¹⁵³.

О народности, равно как и о союзе православия с самодержавием речь пойдет ниже, сейчас же хочется подчеркнуть иное: идеологическая схема стала основой практической политики николаевского царствования, причем вольная интерпретация составляющих этой схемы не допускалась. Укрепление «исконно русских начал» (православия, самодержавия и народности) убеждало Николая I в мысли о возможности восстановить прошлое, остановив настоящее, или даже повернув историю назад. Метод укрепления был прост, он помогает понять и николаевскую теорию политического консерватизма: «вне государственного порядка – только хаос отдельных личностей». Неслучайно самодержец любил повторять: «Я смотрю на всю человеческую жизнь только как на службу, так как каждый служит»¹⁵⁴. Воспринимая себя в качестве первого солдата империи, слуги Отчизны, Николай I полагал, что «имеет право требовать того же и от других, которые должны при этом служить по его указаниям. Со своей военной точки зрения он и не мог себе представить иной службы, кроме службы, регулируемой высшим авторитетом и направляемой при помощи строгой дисциплины и служебной иерархии. *Это убеждение и служило обоснованием его абсолютизму* (выделено мной. – С. Ф.), который развивался crescendo во все время его царствования, переходя все более и более в простое самовластие и деспотизм»¹⁵⁵.

Как видим, в истоке николаевского деспотизма – убеждение, основанное на теории службы Отечеству, понимаемому, впрочем, по казарменному¹⁵⁶. Желание блага для всех подданных оборачивалось консервацией проблем, разрешение которых было на тот момент для русского монарха *принципиально* невозможно. Как уже указывалось, главной проблемой, разрешение которой было жизненно необходимо, обоснованно считалась крестьянская. От этого напрямую зависело и дальнейшее существование «официальной идеологии», триады – пра-

¹⁵² Водовозов В. Консерватизм // Новый энциклопедический словарь. Пг., б./г. Т. 22. Стб. 500–501.

¹⁵³ Корнилов А. А. Теория «официальной народности» и внутренняя политика Николая I... Т. IV. Ч. II. С. 89–90. См. также: С. 85, 91.

¹⁵⁴ Пресняков А. Е. Николай I. Апогей самодержавия... С. 268.

¹⁵⁵ Корнилов А. Курс истории России XIX в. М., 1918. Ч. II. С. 23.

¹⁵⁶ Отечественные исследователи подчеркивают, что «в России императорская власть при Николае I представляла как военно-полицейская диктатура» (Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 262).

вославия, самодержавия, народности. В самом деле: о каком народе можно было говорить, если по данным 8-й ревизии (1833) из 51,9 млн человек, населявших Российскую империю (и это без учета жителей Царства Польского, Финляндии и Закавказья), 25 млн крестьян принадлежали помещикам! Отменить крепостное право – значило нанести сокрушительный удар по дворянству, привыкшему к существовавшему на тот момент положению и в большинстве своем не желавшему лишаться «крещеной собственности»¹⁵⁷. При этом «патриархальные узы», связывавшие помещиков и крестьян год от года ослабевали, экономическое положение крепостных ухудшалось¹⁵⁸, к тому же росла и задолженность дворянских имений государству. Что было в таких условиях делать? Вопрос оставался без ответа.

Понимал ли Николай I, что в решении крестьянского вопроса заключается ответ о будущем русской монархии? Несомненно. Понимал ли он, что это решение тесным образом связано с вопросом о самодержавии, т. е. с вопросом о природе власти в России? Очевидно. Доказательство сказанному – замечание С. С. Уварова, подчеркивавшего, что крепостное право и самодержавие есть две параллельные силы, развивавшиеся вместе. «Крепостное право существует, каково бы ни было, а нарушение его повлечет за собою неудовольствие дворянского сословия, которое будет искать себе вознаграждения где-нибудь, а искать негде, *кроме области самодержавия*. Кто поручится, что тотчас не возникнет какой-нибудь тамбовский Мирабо или костромской Лафайет, хотя и в своих костюмах. Оглянутся тогда на соседей – и начнутся толки, что и как там устроено. <...> Правительство не приобретет ничего посредством этого действия (отмены крепостного права. – С. Ф.). Низший класс и теперь ему предан, а бояться его ни в каком случае нечего: крестьяне могут поджечь дом, поколотить исправника, но не более. Правительство не приобретет ничего, а потерять может много. *Другая оппозиция опаснее ему...*»¹⁵⁹.

Не является ли приведенная выше мысль доказательством от обратного, т. е. доказательством того, что Николай I не хотел отмены крепостного права и разрушения давно отжившей «старинны», что дело было не в реакционности дворянства, а в страхе самодержца? Думаю, что одно не отрицает другого. Страх перед дворянами как возможными конкурентами самодержавия мог быть, но в те годы только теоретическим, а наличие крепостного права было злом, если угодно, практическим, реальным. Боялись, несмотря на заявленное С. С. Уваровым, и волнений «низшего класса». Скорее всего, проблема виделась в другом: возможная реформа могла закончиться «потрясениями» и, следовательно, спровоцировать изменение политической «формы». Иначе говоря – реформа могла спровоцировать покушение на самодержавие. Допустить этого Николай I не мог и не хотел. Сохраняя в империи «тишину» и «покой», он старался ни при каких обстоятельствах не менять курс «охранительной идеологии», используя для достижения поставленной цели все доступные ему средства, в том числе и религиозные.

Использование Православной Церкви в политических и идеологических интересах светской власти удивления вызвать не может прежде всего потому, что эта власть была конфессионально ориентирована. Кроме того, сама Церковь устами своих богословов и проповедников всячески подчеркивала естественность существовавшего в России союза с государством, поддерживая идею о «благочестивейших православных монархах – Помазанниках Божиих». Воспитанные в убеждении своих религиозных прав, русские самодержцы Петербургского периода постепенно приучились видеть в Православной Церкви *не самостоятельную* – хотя и союзную

¹⁵⁷ Николай I, желавший принять меры в пользу крепостных, встречал оппозицию даже среди приближенных. Только П. Д. Киселева он называл единственным лицом, сочувствовавшим ему в его освободительных планах (см.: *Игнатович И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925. С. 372).

¹⁵⁸ Николай I, желавший принять меры в пользу крепостных, встречал оппозицию даже среди приближенных. Только П. Д. Киселева он называл единственным лицом, сочувствовавшим ему в его освободительных планах (см.: *Игнатович И. И.* Помещичьи крестьяне накануне освобождения. Л., 1925. С. 105–106).

¹⁵⁹ Цит. по: *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен. М.; Л., 1925. Т. IV. С. 61. Кстати, тот же С. С. Уваров, сравнивая крепостное право с деревом, подчеркивал, что «это дерево пустило далеко корни – оно осеняет и Церковь, и престол, вырвать его с корнем невозможно» (*Пресняков А. Е.* Николай I. Апогей самодержавия... С. 279).

светской – *власть*, а *подотчетное ведомство*. При этом личная религиозность (или вольно-мысле) самодержцев никоим образом на сущность церковно-государственных отношений не влияли. Решая свои задачи, светские власти могли использовать главную конфессию империи, не принимая в расчет собственно внутрицерковные интересы. Так было и при Александре I, и при сменившем его на престоле Николае I.

Характерный пример – централизация управления религиозной политикой России, в 1817 г. получившая свое завершение созданием специального Министерства духовных дел и народного просвещения. Это странное министерство, возникшее во второй половине царствования Александра I, основывалось на протестантском убеждении в множественности истин, когда различные религиозные конфессии и просветительские учреждения рассматривались как различные пути к Истине¹⁶⁰. Надо полагать, для образованных искателей истины в александровской России протестантизм был скорее мировоззрением, а не религией, но это дела не меняет. Роль Православной Церкви самим фактом создания «двойного министерства» снижалась очевидно для всех. Ситуация начала меняться лишь в связи с изменениями взглядов императора, в конце жизни вновь ставшего тяготеть к православию. «Православная оппозиция», в 1824 г. добившаяся отставки министра духовных дел и народного просвещения князя А. Н. Голицына и роспуска министерства, оказалась не в состоянии сколько-нибудь изменить церковно-государственные отношения в России¹⁶¹. Да и победа оппозиции оказалась возможна только благодаря пересмотру прежних представлений Александром I. Все вернулось «на круги своя»: Православная Церковь опять оказалась *единственной* конфессией, поддерживавшейся государством *и на словах, и на деле*; централизация управления религиозными и церковными организациями не привели к «прививанию» в обществе буржуазных свобод, в том числе религиозной толерантности.

Отказ от принципа «множественности истин» в эпоху Николая I закономерно привел к укреплению ведомственного начала в Православной Церкви, так как поддержка и покровительство главной конфессии империи в глазах самодержца были равнозначны усилению власти его личного представителя в Св. Синоде – обер-прокурора. «Око государево» должно было неусыпно следить за действиями церковных иерархов и пресекать любые проявления неконтролируемой самостоятельности. Своя логика в действиях самодержавной власти была: стремясь «охранить» государство от «тлетворного влияния» революции, Николай I видел залог успеха лишь в подчинении воле единственного «инициатора», единственной самостоятельной силы государства – своей собственной.

Сведение всех нитей управления к одному активно действовавшему лицу – неограниченному самодержцу – не могло иметь исключений: самодержавие, как известно, не терпит двоевластия. Религиозное отношение русского монарха к своей власти не в последнюю очередь было воспитано Православной Церковью, не устававшей говорить о ее (власти) «надмирном» основании. И хотя речь шла о сакральности власти монарха, но не монархии (государства), психологические aberrации были неизбежны, ведь тот же Николай I, вслед за Людовиком XIV, мог бы повторить: «Государство – это я»¹⁶².

В этом, полагаю, стоит искать основную причину стойких антипатий, существовавших между Николаем I и Московским митрополитом Филаретом (Дроздовым; 1782–1867) – апологетом самодержавной власти, охранителем и активным борцом против европейских либерализма и рационализма. По большому счету, именно митрополит Филарет наиболее четко сформулировал отношение Православной Церкви к государству в России, охарактеризовал

¹⁶⁰ Вишленкова Е. А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение»... С. 125 и др.

¹⁶¹ О «православной оппозиции» см. подр.: Кондаков Ю. Е. Духовно-религиозная политика Александра I...

¹⁶² «История его царствования, – писала о Николае I А. Ф. Тютчева, – история его родины и его народа – это был он и исключительно он» (Там же. С. 99).

религиозные пределы самодержавной власти и ее церковно-политическое значение. Однако перед тем, как начать разговор о взглядах митрополита Филарета и о причинах его расхождений с императором Николаем I, стоит, очевидно, сказать несколько слов о московском святителе и его влиянии на ход православной церковной жизни.

Митрополит Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов) родился в семье соборного протоиерея города Коломны. Еще в Коломенской семинарии будущий архиерей обратил на себя внимание наставников, демонстрируя блестящие успехи в учебе. Завершив образование в Троицкой семинарии (1803), В. М. Дроздов начал педагогическую деятельность в качестве учителя греческого и еврейского языков. Но славу и возможность быстрого продвижения по служебной лестнице он получил не в силу своих педагогических способностей, а исключительно благодаря таланту проповедника. Уже в 1806 г., до принятия монашеского пострига, В. М. Дроздов, благодаря покровительству митрополита Московского Платона (Левшина), был назначен на должность лаврского проповедника. Владыка Платон склонил молодого учителя к принятию монашества: в ноябре 1808 г. В. М. Дроздов стал иноком Филаретом. Вскоре он был вызван в Петербург и определен на должность инспектора столичной духовной семинарии, а 28 марта 1809 г. рукоположен во иеромонаха. В том же году он стал ректором Александро-Невского духовного училища, а еще через полгода – бакалавром богословских наук духовной академии. В 1811 г. отца Филарета наградили наперсным крестом за «отличие в проповедовании слова Божия» и возвели в сан архимандрита.

В столице молодой богослов приобрел новых покровителей (в лице первоприсутствующего члена Св. Синода митрополита Амвросия (Подобедова) и князя А. Н. Голицына). Помощь покровителей и блестящие способности позволили отцу Филарету в неполных тридцать лет, в марте 1812 г., стать ректором Петербургской духовной академии и ординарным профессором богословских наук. Почти одновременно он получил и настоятельство в первоклассном новгородском Юрьевом монастыре. В те годы отец Филарет являлся членом различных обществ и комиссий, даже посредничал, например, помогая поэту Г. Р. Державину найти общий язык с духовной цензурой (в редактировании оды «Христос»). В начале 1810-х гг. отца Филарета знали, им восхищались, ему протезировали. В 1814 г. Комиссия духовных училищ присвоила ему ученую степень доктора богословия – заслуженную «светлейшими доказательствами учености священной и церковной, представленными частью в академических, частью в церковных речах, а особенно в классических сочинениях, обработанных по академическим чтениям и изданных с удостоения и одобрения начальства, и увенчанными искренним осуществлением на деле христианского учения»¹⁶³.

В 1816 г., оставаясь ректором столичной академии, архимандрит Филарет получил должность настоятеля московского ставропигиального Новоспасского монастыря, а летом следующего был хиротонисан во епископа Ревельского, викария митрополита Новгородского и С.-Петербургского (5 августа 1817 г.). Два года спустя, в марте 1819 г., владыка Филарет был назначен архиепископом Тверским и членом Св. Синода, в составе которого оставался до смерти. С сентября 1820 г. он – архиепископ Ярославский, а с июля 1821 г. – архиепископ Московский и Коломенский. В день коронации Николая I владыка Филарет получил белый клобук и с тех пор управлял Московской епархией уже в сане митрополита. В XIX веке это была невероятная, головокружительная карьера! За 12 лет скромный богослов и проповедник вырос до архипастыря одной из трех наиболее влиятельных кафедр России. Без сомнения, стремительное продвижение митрополита Филарета вверх по служебной лестнице – явление исключительное, в Синодальный период практически не имевшее аналогов. Несомненный талант оказался востребован временем, «дух» которого владыка хорошо понимал.

¹⁶³ Корсунский И. Филарет (Дроздов) // Русский биографический словарь. СПб., 1901. Фабер – Цявловский. С. 85. См. также: С. 83–84, 86.

В те годы, во вторую половину александровского царствования, владыка Филарет слыл религиозным реформатором, сторонником перевода Священного Писания на русский язык, считался ближайшим сотрудником князя А. Н. Голицына и активным членом Библейского Общества. В 1824 г. пресловутый «либерализм» владыки обернулся для него большими неприятностями: занявший пост министра народного просвещения адмирал А. С. Шишков резко раскритиковал ранее (в 1823 и 1824 гг.) одобренный Св. Синодом катехизис митрополита Филарета, так как в нем Символ веры, Десять заповедей и Иисусова молитва были даны в русском переводе. Шишков полагал, что попытки «переводить Св[ященное] Писание на просто-народный язык есть сильнейшее орудие революционных замыслов» и что катехизис владыки Филарета – «новое оружие против Православной Церкви»¹⁶⁴. По существу, это было обвинение в неправославии.

«Изданный им, – писал апологет владыки Филарета в начале XX века, – образованнейшим архипастырем Церкви, катехизис был запрещен Синодом, как оказавшийся неправославным пред лицом невежественного мирянина, который по своему произволу произвел себя не только в богослова, но и в судию веры и Церкви»¹⁶⁵. Ситуация, впрочем, исправилась довольно быстро: уже в 1827 г. катехизис владыки Филарета был переиздан, а вскоре появился «Краткий катехизис» и «Катехизис для воина». Но данный случай интересен нам по иной причине: обласканный властью, в 1824 г. владыка Филарет получил возможность убедиться, что Св. Синод может отменять свои решения под воздействием «богословского» мнения мирянина, разумеется, если мирянин этот наделен властью и влиянием, а также имеет поддержку ближайшего к императору лица; даже первоприсутствующий член Св. Синода в такой ситуации не в состоянии защитить православного архиерея¹⁶⁶.

В настоящем случае более важен принцип, а не произошедшее. Как же воспринимает этот «принцип» митрополит Филарет, влияет ли он на оценку Московским архипастырем церковно-государственных отношений? Удивительно, но восприятие никак не влияет на публичную оценку владыкой Филаретом существовавших в России церковно-государственных отношений (о чем речь пойдет позже). Стараясь как-либо объяснить поведение светских властей в 1824 г., богословы начала XX века ограничивались констатацией того, что к голосу московского архипастыря в столице, несмотря ни на что, все-таки прислушивались, «желая попользоваться гениальным умом», но не считая для себя необходимым признание нравственного авторитета владыки: «мнения Филарета спрашивают, но решают и приказывают без его участия, нередко вопреки церковным канонам, по началам “светским”».

А как же «принцип»? По мнению апологетов митрополита Филарета, дело заключалось в ином: принося свои труды только Богу, московский архипастырь не испытывал «сильного нравственного чувства обиды за пренебрежение его трудов и его личности». Он скорбел, но эта скорбь не доходила «до сокровеннейшей основы его душевной жизни». Владыка хранил «величавое спокойствие». Но спокойствием дело не ограничивалось. Истовый монах-созерцатель, митрополит Филарет, оказывается, «*тяготился* делами жизни общественной, как *чужими бременами*, отвлекающими его от самоуглубленного созерцания лица Божия, и жаждет пустыни, настоящей пустыни иноческого безмолвия Гефсиманского скита <...>»¹⁶⁷. История свидетельствует: желавший безмолвия и тяготившийся общественными делами владыка

¹⁶⁴ Кондаков Ю. Е. Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время. СПб., 2000. С. 206.

¹⁶⁵ Виноградов В. П. Платон и Филарет, митрополиты Московские. (Сравнительная характеристика их нравственного облика) // Богословский вестник. 1913. Т. 1. С. 333.

¹⁶⁶ Граф А. А. Аракчеев поддержал адмирала А. С. Шишкова, и катехизис вл. Филарета изъяли из продажи (Кондаков Ю. Е. Архимандрит Фотий (1792–1838) и его время... С. 206).

¹⁶⁷ Виноградов В. П. Платон и Филарет, митрополиты Московские... С. 333, 342.

вплоть до последних дней жизни умел-таки преодолевать себя, всегда находя силы для анализа современной ему действительности¹⁶⁸.

Преодолевая себя, митрополит Филарет оставался апологетом существовавшей в России «симфонии властей», всем своим талантом содействуя укреплению светского (царского) влияния на церковные дела. Понимая, что усиление светской власти в Св. Синоде не прихоть очередного обер-прокурора, а стратегическая задача, решавшаяся по воле императора, митрополит Филарет не мог четко отграничить его (императора) церковные прерогативы и прерогативы Православной Церкви в православной империи. Как бы то ни было, а империя была православной! В этих условиях критиковать церковно-государственные отношения значило намекать на то, что самодержец неправильно (или не вполне правильно) понимает свои права Верховного ктитора Церкви. Подобная критика, адресованная императору князем Церкви, неминуемо была бы сочтена «подрывающей основы». Не понимать этого митрополит Филарет не мог. Прекрасно осознавал он и то, что изменение синодальной петровской модели в имперских условиях невозможно. Оставалось одно – сохранять имевшийся в отношениях Церкви и государства status quo, при случае «на законных основаниях» участвуя в решении политических дел империи и охраняя ее от возможных потрясений. Соответственно, чем консервативнее делалась светская власть, тем меньше «либеральных поползновений» можно было ожидать от официальных церковных деятелей. Правила политической игры определял помазанник.

Отношение митрополита Филарета к власти помазанника на долгие годы стало хрестоматийным, его формулировки использовались русскими богословами при разговоре о религиозных основаниях монаршей власти вплоть до революции 1905 г. Сторонник неограниченного самодержавия, митрополит видел только религиозный предел власти венценосца, не стесняясь сравнивать его власть с властью Бога. И народ, и государство могут благополучно существовать только тогда, подчеркивал владыка Филарет, когда «единым, всеобщим, светлым, сильным, всепривлекающим, вседвижущим средоточием, как солнце во вселенной, стоит Царь, свободно ограничивающий свое неограниченное самодержавие волею Царя Небесного, мудростью, великодушием, любовью к народу, желанием общего блага» и т. д.¹⁶⁹ Таким образом, самодержцу предоставлялась свобода во всем, даже в ограничении своей власти. Однако это ограничение не имело «мирских» ограничителей – только Бог. Власть царя на земле есть отражение Божественной власти, являясь своего рода ее «копией». «Бог по образу Своего небесного единоначалия, устроил на земле Царя, – писал владыка, – по образу Своего вседержительства – Царя Самодержавного; по образу Своего царства непреходящего, продолжающегося от века и до века – Царя наследственного»¹⁷⁰. Столь откровенные заявления не могли не влиять на восприятие самодержцами собственной власти как власти не только (и не столько) «от Бога данной», сколько власти Божественной в своих истоках. «Изучая такое “богословие”, выдаваемое за христианское, – замечал П. К. Иванов, – цари, конечно, считали, что Церковь Христова чтит их как истинных Помазанников Божиих»¹⁷¹.

Впрочем, если принять во внимание, что эпоха Николая I – время подведения итогов предшествовавшего политического развития России («апогей самодержавия»), то и четкое церковное определение полномочий монарха Петербургского периода, найденное лучшим богословом XIX века (умевшим вовремя и к месту находить нужные формулы), не должно

¹⁶⁸ Вспоминая о своей встрече с митр. Филаретом в 1863 г. (когда владыке шел девятый десяток), князь В. П. Мещерский отмечал: «вначале голос старца едва издавал звуки; взгляд его казался мне потухшим. Но минуты через три эти потухшие глаза ожили; в них явился блеск проснувшейся мысли, и голос стал совсем слышен. Он заговорил о времени со злобами. <...> (выделено мной. – С. Ф.) Польский мятеж он приписывал, как многие тогда, отсутствию твердой правительственной программы вообще, а это отсутствие программы приписывал действию в Петербурге разнородных политических и партийных влияний» (Мещерский [В. П.], князь. Воспоминания. М., 2001. С. 131).

¹⁶⁹ Цит. по: Самодержавие. История, закон, юридическая конструкция... С. 176.

¹⁷⁰ Цит. по: Самодержавие. История, закон, юридическая конструкция... С. 176–177.

¹⁷¹ Иванов П. Тайна святых... Т. II. С. 581.

вызывать нашего удивления или неприятия: в конце концов митрополит не «изобретал», а только творчески «оформлял» то, что сложилось задолго до него. Его заявление можно рассматривать и как «апогей церковной мысли». Угождая религиозному самомнению самодержца, владыка, тем не менее, не хотел усиления его личной власти в Св. Синоде, отстаивая внутреннюю церковную независимость.

На первый взгляд, это выглядело странно: неужели он не мог понять простого обстоятельства – того, что *православие* в России *государственно* ровно настолько, насколько *государство* *православно*? Разумеется, он это понимал, но примириться с Синодальными традициями (в том числе укреплением власти обер-прокурора) психологически ему было трудно. Разбираясь с указанной проблемой, протоиерей Георгий Флоровский отмечал, что митрополит Филарет умудрялся удивительно неделикатно напоминать Николаю I о внутренней независимости Церкви, так, что даже видеть святителя императору становилось неприятно. «У Филарета была своя государственная теория, теория священного царства. Но она совсем не совпадала с официальной и официозной доктриной государственного суверенитета. ...Филаретовский образ мыслей был вполне далек и чужд государственным деятелям николаевского времени. *Филарет им казался опасным либералом*» (выделено мной. – С. Ф.)¹⁷².

Полагаю, что дело было не в особой государственной теории митрополита Филарета, которая доставила ему сомнительные в эпоху Николая I лавры либерала, а в нежелании мириться с неизбежным и все возрастающим влиянием светских чиновников на Церковь. Открыто спорить с царем, религиозную природу власти которого владыка Филарет отстаивал и провозглашал, было бессмысленно, но подчиняться во всем мнению гвардейского офицера, вдруг, по желанию помазанника, ставшего обер-прокурором Св. Синода, святитель не мог и не хотел. Парадокс как раз и заключался в том, что, отстаивая суверенитет помазаннической власти самодержца, митрополит Филарет тем самым отстаивал и его право на внутрицерковный контроль (как Верховного ктитора). В конце концов, самодержец не ломал канонико-догматические установления православия, даже сыну завещая строго соблюдать все, что предписывалось Церковью¹⁷³. Не покушаясь на внутренний строй Церкви, император считал и правом, и обязанностью усиливать присутствие своего в ней личного влияния. А так как разделения между понятием император и империя (государство) в России практически не существовало, то строительство «ведомства православного исповедания» за счет ущемления прав православной иерархии и Св. Синода чем дальше, тем больше должно было усиливаться. Личное благочестие и православная настроенность обер-прокурора в подобных обстоятельствах особой роли не играли.

Бурная бюрократическая деятельность по укреплению всех звеньев самодержавной власти, проводившаяся в царствование Николая I, привела к появлению во главе обер-прокуратуры Св. Синода графа Н. А. Протасова (1836–1855), человека властного и жесткого, полностью отвечавшего видам императора. Сохранилась легенда, как в день назначения Протасов приехал к генерал-адъютанту Чичерину и сказал: «Поздравь меня – я министр, я – архиерей, я черт знает что». Узнав об этом, Киевский митрополит Филарет (Амфитеатров) остроумно заметил: «Справедливо только последнее»¹⁷⁴. Станным образом «благочестивый государь» сумел найти и почти 20 лет сотрудничать в обер-прокуратуре Св. Синода с тем, кого русские архиереи не выносили, всячески демонстрируя свою к нему неприязнь. «Шпоры генерала цепляются за мою мантию», – сказал однажды митрополит Филарет (Дроздов). В итоге, с 1842 г. Московский митрополит более не появлялся в заседаниях Св. Синода (хотя и оставался его

¹⁷² Флоровский Г., *прот.* Пути русского богословия... С. 202, 203.

¹⁷³ Из записной книжки архивиста. Завещание Николая I сыну... Т. 3. С. 293.

¹⁷⁴ См. подр.: Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 332.

членом), высылая только письменные ответы на постоянно поступающие к нему из Петербурга запросы.

В чем же было дело? В. В. Розанов полагал, что все заключалось «в императорстве», так как там уже совершился или совершался перелом, надлом. «Как было великому Государю, и столь консервативному, не соделать себе ближним советником величайший и тоже консервативный ум первого церковного светила за всю судьбу Русской Церкви?

Разошлись по мелочам»¹⁷⁵.

Удивление В. В. Розанова естественно и оправданно, но требует некоторого дополнения.

Действительно: что считать мелочью? Отношение к самодержавной власти у митрополита Филарета было безусловно – на словах, но при случае он всегда демонстрировал свое неудовольствие слишком большими полномочиями государства (государя) в делах Церкви. Это прекрасно знал и чувствовал Николай I, которого не могли усыпить громогласные заявления Московского архиепископа о его, императора, самодержавном духе, благодаря которому-де в России мир и благолепие¹⁷⁶. Император не мог забыть и простить те намеки, которые содержались в некоторых речах и проповедях владыки и которые можно было рассматривать как завуалированную критику николаевской бюрократической системы и даже самого самодержца. По мнению А. И. Герцена, митрополит представлял оппозиционного иерарха, но «во имя чего он делал оппозицию», Герцен понять не мог, предполагая, что «разве во имя своей личности». Считая митрополита Филарета человеком умным и ученым, мастерски владевшим русским языком, Герцен отмечал также, что народ святителя не любил, что «подчиненное ему духовенство трепетало от его деспотизма»¹⁷⁷. Может, именно по соперничеству, – предполагал писатель, – они ненавидели друг друга с Николаем».

Это наблюдение для нас ценно потому, что сделал его человек, далекий от Церкви и резко враждебный политической системе, олицетворением которой был Николай I. Действительно, митрополит Филарет, при всей своей подчиненности монарху как помазаннику Божию, при случае не забывал указывать, что Церковь – выше Царства или, выражаясь языком Герцена, «умел хитро и ловко унижать временную власть». С высоты амвона он «говорил о том, что человек никогда не может быть *законно* орудием другого, что между людьми может только быть обмен услуг, и это говорил он в государстве, где полнаселения – рабы»¹⁷⁸. Впрочем, выступая с подобными речами, Филарет никак не проявил своей «антикрепостнической» позиции, вплоть до Великой реформы 1861 г. оставаясь противником кардинальной ломки сложившихся за столетия «устоев». О причинах подобной консервативности речь пойдет позже, сейчас же отметим лишь одно: Герцен сумел увидеть то, что в XX веке симпатизировавший Московскому святителю протоиерей Георгий Флоровский назвал «теорией священного царства» митрополита Филарета. Акцент на «*временной власти*», которую умел унижать митрополит Филарет, помогает нам понять, почему Николай I «разошелся» со своим консервативным иерархом. Филаретовский консерватизм в глазах самодержавной власти часто имел либеральный оттенок.

¹⁷⁵ См. подр.: Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 332.

¹⁷⁶ «Да пребывает всегда с Тобою державно благочестие, – говорил митрополит Филарет, приветствуя Николая I в марте 1849 г. перед Успенским собором Московского Кремля, – и Твоим благочестием и Самодержавием всегда крепка и счастлива Твоя Россия» (Цит. по: Самодержавие. История, закон, юридическая конструкция... С. 178).

¹⁷⁷ Аналогичные заявления делал и другой весьма информированный политический эмигрант князь П. В. Долгоруков: «Митрополит Филарет человек необыкновенного ума, какой редко вмещался в человеческой голове, человек огромной учености и не меньшей хитрости, лукав, честолюбив и властолюбив в высшей степени; с подвластным ему духовенством деспот неумалимый и ненавидим своими подчиненными». Эти выводы Долгоруков снабдил не менее ярким комментарием: «Лет двадцать пять тому назад (т. е. приблизительно в 1835 г. – С. Ф.) английский путешественник, бывший в Москве, сказал одному архимандриту: “Ваш митрополит, должно быть, святой человек?” “Почему вы так полагаете?” – спросил архимандрит. “Он такой художавый”, – ответил англичанин. “Помилуйте, – возразил архимандрит, – черт еще художавее его!”» (Долгоруков П. Петербургские очерки. М., 1992. С. 123–124).

¹⁷⁸ Герцен А. И. Былое и думы... Т. I. С. 104–105.

Однако митрополит Филарет как правило выглядел спокойным, и не столько по причине равнодушия к своей судьбе («как Бог даст»), сколько по тому, что прекрасно понимал: без его советов и указаний не обойдутся. Имея в эпоху Николая I огромный, непререкаемый в православных кругах авторитет, владыка был нужен «симфонической» с Церковью власти и прекрасно знал это. К тому же публично он всегда провозглашал *нормальность* существовавших в России церковно-государственных отношений, громогласно утверждая, что власть светская и духовная живут в гармонии, что никакие взаимно противоречащие воззрения, «какими нередко затрудняют друг друга Церковь и государство у многих народов христианских», не нарушают единения и согласия Православной Церкви и государства в России¹⁷⁹.

После таких признаний, на себе испытав схоластические таланты митрополита Филарета, мог ли Николай I верить в искренность им заявляемого? Вопрос риторический. Какая разница: что бы (и как бы) не думал митрополит о церковной политике царя и о нем лично, своим талантом он служил и этой политике, и этому царю. В самом деле, владыка свидетельствовал, что серьезных проблем в отношениях Церкви и государства не существует, что Церковь в России никогда не разделяла и не разделяет на две противоположные части заповедь: воздадите Кесарю Кесарево, а Богу – Божье, а всегда старается «одну другую поддерживать, а не ослаблять»¹⁸⁰. Тем самым Церковь устами своего выдающегося богослова заявляла, что она всегда была и будет в союзе с государством, политика и идеология которого ею полностью поддерживаются.

Разумеется, поддерживалась и та «охранительная идеология», которую Николай I всячески насаждал в стране на протяжении почти трех десятилетий. Убежденный в том, что абсолютизм необходим России и категорически не приемля конституционную монархию¹⁸¹, император не видел в Церкви «параллельную» силу, вторую власть, и находил для обоснования этого необходимые богословские аргументы. У митрополита Филарета он мог получить уверения в том, что Россия – единственное европейское государство, в котором и правительство, и народ полностью признают: нет власти не от Бога, что положение Русской Церкви и отношение ее к самодержавной власти отличается от положения Церквей в католических и протестантских государствах, «и уже по одному этому невозможно нам, без разбора, перенимать у иностранных государств улучшения в делах администрации по делам касающимся Церкви». И хотя-де Русская Церковь слывет у недоброжелателей Церковью, поработанной светской властью, но «до сих пор большинство русского народа не давало этому веры именно потому, что *между* представителем патриарха, т. е. *Св. Синодом и Государем, не было никаких посредников* (выделено мной. – С. Ф.). Самое то, что внутреннее церковное управление оставалось неподчиненным, показывало самостоятельность церкви и возвышало ее в глазах народа; и Сам Царь Помазанник являлся как бы естественным природным защитником Церкви»¹⁸².

Известно, что лучшая защита – нападение. Митрополит Филарет не мог не знать этого, беззастенчиво заявляя об отсутствии в России посредника между царем и Св. Синодом и «забывая», таким образом, об обер-прокуроре, шпоры которого, как мы помним, цеплялись за его архиерейскую мантию. Забывчивость, однако, объяснима: комментируя тезис о «поработанности», неминуемо пришлось бы делать историко-каноническую справку о состоянии Русской Церкви накануне петровских реформ и после их проведения; поднимать вопрос о Соборе

¹⁷⁹ В. Н[азаревский]. Государственное учение Филарета, митрополита Московского. М., 1888. С. 41.

¹⁸⁰ В. Н[азаревский]. Государственное учение Филарета, митрополита Московского. М., 1888. С. 39.

¹⁸¹ «Я понимаю республику, говорил император в беседе с де Кюстином – это правительство прямое и искреннее, или, по крайней мере, могущее таковым быть; я понимаю абсолютную монархию, потому что я сам глава подобного порядка вещей, но я не понимаю представительной монархии. Это – правительство лжи, обмана, подкупа, и я скорее бы хотел отступить до Китая, нежели когда-либо принять этот образ правления» (цит. по: *Сыромятников Б. Николай I // Энциклопедический Словарь Русского библиографического института Гранат. М., б./г. Т. 30. Стб. 226).*

¹⁸² В. Н[азаревский]. Государственное учение Филарета, митрополита Московского... С. 187–188.

и Патриархе, рассматривать положение Св. Синода в системе других высших государственных учреждений империи и т. д. Все это не позволило бы заявить о том, что внутреннее церковное управление всегда оставалось неподчиненным светской власти и показывало самостоятельность Церкви. Наконец, вопрос о возвышении Церкви в глазах народа также пришлось бы корректировать (особенно с учетом того, что в эпоху Николая I религиозная терпимость была ограничена «справедливостью и предосторожностью»).

Итак, не будет преувеличением сказать, что Православная Церковь устами митрополита Филарета активно защищала политическую систему николаевской России, выступая против каких бы то ни было новшеств. Это было в порядке вещей, тем более что в 1830 – первой половине 1850-х гг. под консервативным началом обычно подразумевалось все, существовавшее «под фирмой внешней законности»¹⁸³. По образному выражению Ю. Ф. Самарина, «что есть, то свято; чего еще нет и чего добиваются – преступно»¹⁸⁴. Естественно, преступным могло считаться и желание разрушить декларируемое единство православия, самодержавия и народности, причем «желание» это могло проявить себя самым простым образом, например, в критике казенного понимания православия или народности. Так, в 1847 г. было официально предписано бороться «со стремлением некоторых авторов к возбуждению в читающей публике *необузданных порывов патриотизма*», которому, таким образом, и противопоставлялась народность триады¹⁸⁵. Все нарушавшее «форму» в последний период правления Николая I подвергалось остракизму, в нарушителях видели политически неблагонадежных. В городах преследовались даже длинные волосы, короткие пальто и средневековые бородки, вошедшие в 1830-х гг. в моду во Франции; «модники» вызывали подозрение у властей точно так же, как любители русских бород и кафтанов¹⁸⁶ (обычно славянофилы). В такой обстановке обсуждение вопроса о «народности», разумеется, не могло пойти в русле полемики об отмене крепостного права, о миллионах безгласных христиан. Их подчинение авторитету верховной власти, которая лучше знает, когда и что менять, не только никак не оговаривалось, но и не обсуждалось.

Впрочем, не стоит забывать, что «охранительная идеология» Николая I поддерживалась Православной Церковью не только по причинам политическим. Дело обстояло куда серьезнее. Как известно, для Православной Церкви принципиальных вопросов, которые не предусмотрены или недостаточно развиты в писаниях святых отцов и в решениях Вселенских Соборов, не может быть. Церковная сокровищница достаточно полна, речь может идти не о ее пополнении, а лишь о *сохранении накопленных богатств*. Таким образом, идея охранительства оказывается востребованной в силу церковной природы православия. В этом смысле Петербургский митрополит Серафим (Глаголевский) и говорил английскому богослову Пальмеру примечательные слова: «Наша Церковь не имеет развития». В том же смысле, по словам П. Н. Милюкова, и Ю. Ф. Самарин выражался, что «Православная Церковь не имеет системы и не должна иметь ее»¹⁸⁷. Следовательно, развивал мысль Милюков, вопрос о церковном устройстве, в отличие от католичества и протестантства, не есть коренной вопрос всей веры, и под ним не скрывается другой: кому принадлежит высшая власть в деле развития догмата. А если развитие догмы не есть задача Церкви, стремящейся сохранить имеющееся, то упрощается и ее устройство.

«Не занимаясь религиозным творчеством, Восточная Церковь, – заявлял П. Н. Милюков, – не нуждается и в законодательном органе для такого творчества. <...> И без единой власти, вроде папской, она может быть уверена в том, что единство ее учения сохранится. Остается только текущая, чисто исполнительная деятельность. Но она может быть управляема при

¹⁸³ Самарин Ю. Ф. Чему должны мы научиться? // *Его же*. Статьи. Воспоминания. Письма. 1840–1876. М., 1997. С. 75.

¹⁸⁴ Самарин Ю. Ф. Чему должны мы научиться? // *Его же*. Статьи. Воспоминания. Письма. 1840–1876. М., 1997. С. 76.

¹⁸⁵ Чулков Г. Ф. И. Тютчев и его эпиграммы... С. 77.

¹⁸⁶ Самарин Ю. Ф. Два слова об одежде // *Его же*. Статьи. Воспоминания. Письма... С. 69.

¹⁸⁷ Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 2. Ч. I. С. 171.

помощи какого угодно строя церковных учреждений»¹⁸⁸. Проблема церковного творчества, по мнению ученого, для Православной Церкви не актуальна. Однако прав ли он? Да, только тогда, когда поднимает вопрос о догматической завершенности православия и говорит о том, что идея сохранения доставшегося по наследству богатства – приоритетна. Но есть одно «но». Православная Церковь должна соотносить свое устройство с тем, какое было в Церкви семи Вселенских Соборов, в христианской Византии. «Симфония» и подразумевает (разумеется, в теории) союз *двух* властей, т. е. их декларируемое, по крайней мере, равенство.

Если светская власть изменяет внутреннее устройство власти духовной – конечно же, не покушаясь на чистоту учения, – то из этого может следовать лишь одно: она *de facto* перестала рассматривать Церковь как самостоятельную власть. А это как раз то, что произошло в XVIII веке в России. В сложившихся условиях вопрос о творчестве (что бы под данным словом не понимать) не мог быть востребован, был закрыт, спрятан под заявления о православии самой империи и ее благочестивейшего государя. Церковь, в лице ее выдающихся пастырей и подвижников веры, стала восприниматься как охранительница священных преданий. Неслучайно В. В. Розанов написал о митрополите Филарете: «в шелесте его мантии – как бы звуки всех этих почивших Златоустов, Двоесловов и целого сонма ликов, которых он представляет собою». И резюмировал: «Разве тут пошевелишься!!! Боже, как трудно, какая тяжесть надо мною. – Десять веков лежит на моей груди, и этот крест давит, давит, и я не могу вздохнуть. Мое дело – не шевелиться. Мое дело – более не шевелиться. Весь мой гений устремлен на то, чтобы пронести посох митрополита Петра в крестном ходу так, что у взглянувшего раз – по гроб не забудется»¹⁸⁹.

Получается, что «глава священных церемоний и церемонных священных жестов» (как называл В. В. Розанов митрополита Филарета) был по определению охранителем и, соответственно, идеологически близким Николаю I человеком (вне зависимости от его личных симпатий и антипатий). Но он являлся, если можно так сказать, творчески настроенным охранителем, желавшим пробуждения (конечно, под церковным контролем) богословской мысли и знания. «Недостатки охранителей обращаются в оружие разрушителей», – написал он однажды¹⁹⁰. И эти слова в полной мере можно отнести на адрес Николая I, не терпевшего никакого «самочинного» творчества, но так и не решившегося «творить» сам. Его политический консерватизм очевидно для всех перерос в реакцию. Стремясь к сохранению уже отжившего социально-экономического строя, Николай I сделал правительственные силы (в том числе и Православную Церковь) идеологическим заложником своих идеалистических представлений, желая облагодетельствовать империю посредством чиновника (как в мундире, так и в рясе). «Везде преобладает у нас стремление сеять добро силою», – написал в год смерти Николая I П. А. Валуйев¹⁹¹, и в этих словах – адекватный приговор благим пожеланиям почившего императора.

¹⁸⁸ Милоков П. Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 2. Ч. I. С. 171.

¹⁸⁹ Розанов В. В. Интересные книги, интересное время и интересные вопросы // *Его же*. Около церковных стен. М., 1995. С. 35.

¹⁹⁰ В. Н[азаревский]. Государственное учение Филарета, митрополита Московского... С. 171.

¹⁹¹ Эпоха Николая I... М., 1910. С. 187. Для доказательства достаточно вспомнить отношение Николая I к старообрядцам, в преданиях которых император остался «миссионером на царском троне», занимавшимся принудительным, насильственным, разорительным и губительным для всей страны совращением сторонников «древлего благочестия» в единоверие. При этом старообрядческие историки подчеркивают, что «главным и весьма настойчивым вдохновителем гонений на старообрядцев как николаевского времени, так и последующего царствования, был знаменитый Московский Филарет» (см.: Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви... С. 166–167, 181). Рассчитывая на физическую силу и вспоминая историю, митр. Филарет полагал, что секты от стеснительных против них мер усиливались только там, где эти меры не были тверды, «а где они были тверды, там успех сект останавливался и даже уничтожался» (В. Н[азаревский]. Государственное учение Филарета, митрополита Московского... С. 55). Подобное заключение нельзя не признать странным: история Древней Церкви противоречит заявленному Московским святителем.

Итак, ситуация в стране кардинально изменилась после кончины Николая I в феврале 1855 г. Случившаяся в разгар крайне неудачной для России Крымской войны, эта смерть породила надежды на реформы. Одним из первых и наиболее острых вопросов закономерно стал отложенный Николаем I вопрос отмены крепостного права. Не имея цели и возможности рассмотреть даже основные этапы прохождения этого вопроса, хотелось бы остановиться лишь на отношении к крепостному праву и его отмене Православной Церкви. Для того, чтобы ответ получился более аргументированным, стоит несколько расширить проблему и посмотреть, как церковными иерархами воспринималась сама мысль о реформах и что с ними связывали. Поставленная задача не столь проста, как может показаться вначале. Во-первых, привыкшие следовать в фарватере государственной политики православные иерархи не спешили публично высказывать мнения по наболевшим проблемам внутренней жизни страны. Во-вторых, большинство из них не имели политического авторитета и не могли рассчитывать на внимание «симфонических» светских властей. Во второй половине 1850-х гг., как и ранее, единственным иерархом, к голосу которого прислушивался «и клир, и мир», был митрополит Филарет. Именно поэтому его мнения для нас будут иметь наибольший интерес.

Владыка Филарет вошел в историю с печальной славой «упорного крепостника». Как дореволюционная, так и советская историография в этом были принципиально едины. Справедливо ли это обвинение и если да, то как его оценивать?

С самого начала повторю: Московский святитель, как и император Николай I, искренне боялся любых потрясений, желая «охранить» государство от политических пертурбаций. Но было и еще одно обстоятельство, на которое в годы Первой российской революции обратил внимание В. В. Розанов. Указывая, что и раньше, «и теперь» высказываются упреки по адресу как Православной Церкви, всего духовенства, так в особенности митрополита Филарета, «почему в свое время они не протестовали против крепостного права», публицист остроумно замечал напрасность этих жестоких упреков: «как бы они могли протестовать против крепостного права или хотя бы в душе своей *священнической* желать отмены его, когда им активно, со вдохновением указано: “Итак, отдавайте всякому должное: кому подать – подать, кому оброк – оброк, кому честь – честь”. Не мог же митрополит Филарет восстать против апостола Павла! Жестоко это требование»¹⁹². Приводил Розанов и слова из Послания апостола Петра, где говорилось о подчинении слуг своим господам (1 Пет 2:18), о том, что «угодно (Богу), если кто, помышляя о Боге, переносит скорби, страдая несправедливо» (1 Пет 2:19). Подчеркивая, что митрополит Филарет, оставаясь христианином, не мог восстать против всеобъемлющей идеи «Голгофы» и идеи «креста», т. е. терпения, страдания и кротости, Розанов выводил справедливое заключение: без покорности и терпения все в христианстве «превратилось бы в золу и пепел, развеваемые ветром»¹⁹³.

Однако, стоит ли это глобальное заключение учитывать при разговоре о русском крепостничестве XIX века? Полагаю, на поставленный вопрос возможно ответить, учитывая государственные взгляды (или учение) митрополита Филарета, до своей кончины убежденного, что «истинно разумеющие Евангелие никогда не находили и не найдут в нем демократического учения»¹⁹⁴. Отмена крепостного права в России ассоциировалась святителем с опасностью потревожить установленный порядок, повредить самодержавной монархии. Считая крестьянский вопрос темным, спорным и неразрешенным, не позволяющим предвидеть его грядущее решение, митрополит Филарет за два года до отмены крепостного права советовал епископу Тульскому Алексию (Ржаницыну) говорить о нем с большой осторожностью, указывая только, что император «печется о возвышении всех сословий, не исключая и низших». Ведь «может

¹⁹² Розанов В. В. Непростые пропуски // *Его же. Около народной души. Статьи 1906–1908 гг.* М., 2003. С. 216.

¹⁹³ Розанов В. В. Непростые пропуски // *Его же. Около народной души. Статьи 1906–1908 гг.* М., 2003. С. 218.

¹⁹⁴ В. Н[азаревский]. Государственное учение Филарета, митрополита Московского... С. 172.

случиться, что мы не угадаем мысли правительства» и можем «на дороге политической оступиться в яму» (курсив мой. – С. Ф.)¹⁹⁵.

Опасения владыки Филарета вполне типичны: точно также думал и святитель Игнатий (Брянчанинов), в ответ на обвинения в симпатиях к крепостничеству заочно (в феврале 1860 г.) ответивший А. И. Герцену, что желал бы благополучного решения крестьянского вопроса к радости народа и царя, но «без беспорядков, без потрясений государственных... чтоб свобода помещичьих крестьян была для них и для всей России даром царя, а не следствием замыслов, планов, возгласов якобинских»¹⁹⁶. Привычка оценивать происходившее в *православном* (de jure) *государстве* не только с христианской, но прежде с политической точки зрения в условиях Российской империи для церковных иерархов было психологически естественно и закономерно. Ожидание инициативы «сверху» стало безусловным рефлексом русских архипастырей, знавших по собственному опыту, что светская власть «тяготеет» над духовной, но не спешивших сделать это знание достоянием гласности¹⁹⁷.

Страх перед освобождением вызывался также и опасением того, что правительство не сумеет справиться с волнениями, которые возникнут в результате освобождения. Не сочувствуя решительным поворотам в народной жизни и предпочитая «держаться того порядка вещей, который установился издавна и пустил глубокие корни», митрополит Филарет, в результате стечения обстоятельств, оказался «первым провозвестником» освобождения крестьян¹⁹⁸. Александр II поручил ему редактировать проект Манифеста об освобождении крестьян, составленный Ю. Ф. Самариным и Н. А. Милютиным. 5 февраля 1861 г. работа была завершена и митрополит отправил его в Петербург, приписав, что «в исполнение поручения его ввело верноподданническое повиновение, а не сознание удовлетворить требованию».

Примечательно, что из представленного ему проекта митрополит Филарет вычеркнул фразу: «в сей *радостный для Нас и для всех* верноподданных *Наших* день», так как полагал – происходившему «радуются люди теоретического прогресса, но многие благонамеренные люди ожидают оно с недоумением, предусматривая затруднения <...>»¹⁹⁹. Неслучайно он воскликнул за три дня до подписания Манифеста: «Господи, спаси царя и пощади всех нас. Теперь из Петербурга пишут об опасениях и, между прочим, что первый удар падет на высшее духовенство, монастыри, церкви»²⁰⁰. И хотя в дальнейшем он характеризовал акт 19 февраля как «великое дело»²⁰¹, принципам «охранительной идеологии» он изменить не мог и не хотел.

¹⁹⁵ Цит. по: Мельгунов С. П. Митрополит Филарет – деятель крестьянской реформы // Великая реформа. М., 1911. Т. V. С. 159.

¹⁹⁶ «Во Христе сапер». (К столкновению А. И. Герцена и Пресвященного Игнатия Брянчанинова) // Богословский вестник. 1913. Т. I. С. 207.

¹⁹⁷ В связи со сказанным стоит упомянуть о замечаниях митр. Филарета по поводу записки А. Н. Муравьева «О состоянии Православной Церкви в России» (1856), изображавшей состояние главной конфессии империи в неблагоприятном виде. Критически разбирая записку, митрополит, касаясь возможности восстановления патриаршества, подчеркнул: «если светская власть начала тяготеть над духовной (курсив мой. – С. Ф.): почему один патриарх тверже вынес бы сию тягость, нежели Синод? <...> Очень ли велика разность в том, что в России *первенствующий член* Святейшего Синода не называется патриархом?» (Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно-государственным вопросам, издаваемое под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. М., 1886. Т. IV. С. 145). Фактически это было признание того, что союз Церкви и государства в России далеко не безупречен с церковной точки зрения и дело заключается не в восстановлении разрушенной «формы» и возглавлении Церкви патриархом. Как это противоречило официальным заявлениям святителя о единении, согласии Церкви и государства, «не нарушаемых никакими взаимно противоречащими воззрениями»!

¹⁹⁸ См.: Джанишев Гр. [А.] Эпоха Великих реформ. СПб., 1907. С. 64.

¹⁹⁹ Там же. С. 64–66.

²⁰⁰ Мельгунов С. П. Митрополит Филарет – деятель крестьянской реформы... С. 163. «Худо понятая мысль о свободе и нерассудительно преувеличенные надежды могут иметь последствием то, что некоторые крестьяне найдут новое свое положение не столь удовлетворительным, как ожидали», – писал митрополит Филарет в записке «Об обязанностях приходского духовенства при предстоящей перемене отношений крестьян к помещикам» еще 29 ноября 1860 г. (Собрание мнений и отзывов... Т. IV. С. 567).

²⁰¹ Мельгунов С. П. Митрополит Филарет – деятель крестьянской реформы... С. 156. Отмена крепостного права настолько

Либеральные начинания александровской эпохи вызывали у него тревогу и раздражение. Он, например, выступал против отмены телесных наказаний, заявляя, что из тезиса о создании человека по образу и подобию Божию нельзя вывести никакого заключения об их (наказаний) недопустимости. Если сделать личность виновного неприкосновенной для розог, вопрошал митрополит Филарет, «можно ли сделать личность всякого виновного неприкосновенной для оков?»²⁰²

Незадолго до кончины Московский архипастырь откровенно признался, что «сильное движение управления от единства к народовластию неблагоприятно началам духовного управления и может обессилить апостольскую и церковную идею послушания»²⁰³. Кажется бы – вот законченный портрет «охранителя», к концу жизни превратившегося в реакционера, не имевшего желания понять дух нового времени. Однако не стоит спешить с выводами. Выступая в роли обличителя новшеств, критикуя социально-политические перемены в стране, митрополит Филарет в эпоху Великих реформ стал поощрять выступления богословов и историков, выступавших в печати со статьями, в которых говорилось, что полицейское покровительство власти губит Церковь²⁰⁴. Введение celibата в Русской Церкви также обязано ему – в 1860 г. безбрачный профессор Московской духовной академии А. В. Горский был рукоположен митрополитом во священника (то был первый в русской церковной истории случай celibата) и два года спустя назначен ректором МДА.

Разумеется, отдельные изменения не свидетельствуют о наличии программы действий. Но они говорят о том, что термин «реакционер» применительно к Московскому митрополиту нужно использовать с достаточной осторожностью. Находясь в течение многих десятилетий на вершине церковной власти, участвуя в разработке правительственных документов (к слову сказать, и акта о передаче престола от Александра I Николаю I), митрополит Филарет как никто другой понимал природу имперской власти в России, требовавшей воздавать «Кесарю – Божие». Все понимая, владыка, однако, вынужден был оправдывать самодержавие, тем самым опосредованно – и против собственной воли – содействуя дальнейшей легитимизации власти самодержца в Церкви. Впрочем, это не помогло сохранить близкие отношения с Николаем I, не верившим в искренность «Филарета мудрого». Более того, светские власти «боялись изворотов его тонкой политики. Его ценили как “наиболее красноречивого проповедника”, как незаменимого игрока логическими формулами византийского богословия. К нему обращались во всех казуистических случаях, но держали в стороне»²⁰⁵. Быть может, по этой причине, в конце жизни митрополит Филарет и стал покровительствовать тем, кто публично говорил о дефектах церковно-государственного союза?

Дефекты синодальной «симфонии» не могли, однако, скрыть от владыки иного: в условиях, сложившихся к середине XIX века в России, глобальная церковная реформа была невозможна. «Несчастье нашего времени, – писал он епископу Иннокентию (Попову-Вениамину), – в том, что количество погрешностей и неосторожностей, накопленное не одним уже веком, едва ли не превышает силы и средства исправления». Комментируя сказанное, В. В. Розанов восклицал: «таким образом, даже и этот охранительный из охранительных умов тоже хотел бы и уже не может “исправить”. Совершилось <...> расхождение принудительно *должной* веры и приемлемо *возможной* веры»²⁰⁶. В такой ситуации «охранительная идеоло-

назрела, что даже по словам К. Маркса, будь жив Николай I, и он отменил бы крепостное право (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 12. С. 607).

²⁰² В. Н[азаревский]. Государственное учение Филарета, митрополита Московского... С. 123.

²⁰³ Там же. С. 105.

²⁰⁴ «Филарет на старости лет сделался отъявленным либералом», – писал по этому поводу Ю. Ф. Самарин князю В. А. Черкасскому (*Самарин Ю. Ф.* [Письмо В. А. Черкасскому] // *Его же.* Статьи. Воспоминания. Письма... С. 213).

²⁰⁵ *Мельгунов С. П.* Митрополит Филарет – деятель крестьянской реформы... С. 157.

²⁰⁶ *Розанов В. В.* Папская «непогрешимость» как орудие реформации без революции // *Его же.* Около церковных стен...

гия» по праву должна была считаться «последним якорем нашего спасения», вызывая к жизни только стремление сохранить прежнее, быть может с некоторыми непринципиальными корректировками. Как здесь не вспомнить высказывания П. Н. Милюкова...

Итак, круг замыкался. Желание сохранить «форму» перевешивало робкие намеки на необходимость что-либо пересмотреть в «содержании»²⁰⁷. «Реакция» перерождалась в рефлексию. Впрочем, опасность данного обстоятельства для существовавших в России церковно-государственных отношений окончательно стала ясна только в начале XX века, когда в условиях революции был поставлен вопрос о корректировке «симфонических» связей и об опасности слишком тесных отношений православия и самодержавия, чем дальше, тем меньше связанного с третьим символом уваровской триады.

С. 269.

²⁰⁷ Делая запись в своем дневнике о кончине митр. Филарета, министр внутренних дел России П. А. Валув грустно заметил: «Почитаю его память, но о нем не жалею. Он давно перестал быть деятелем и был только препятствием» (Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961. Т. II. С. 224. Запись от 19 ноября 1867 г.).

Очерк четвёртый. Религиозная политика и народное благочестие в России (1825–1861 гг.)

1825 г. – роковой в истории России. В том году, 19 ноября, на юге страны, в Таганроге, скончался император Александр I и престол перешел к его младшему брату – великому князю Николаю Павловичу (1796–1855). События 14 декабря 1825 г., произошедшие на Сенатской площади С.-Петербурга, и восстание Черниговского полка на Украине 29 декабря 1825 г. – 3 января 1826 г. стали прологом к новому царствованию. Декабристы потерпели поражение, однако новый монарх увидел, что самодержавие имеет серьезных оппонентов, считавших современное им социально-политическое состояние России явно неудовлетворительным²⁰⁸. В сложившейся ситуации вопрос о перспективах развития страны и о властных прерогативах русского самодержца должен был получить ясное и четкое *официальное* объяснение.

Это объяснение нашло свое окончательное завершение в известной «теории официальной народности», традиционно связываемой с именем министра народного просвещения графа С. С. Уварова. Как известно, Уваров в своем всеподданнейшем докладе, посвященном десятилетию управления им Министерством народного просвещения (1833–1843), указал на «спасительные начала», без которых Россия не может «благоденствовать, усиливаться, жить». Первым, главным началом, по мнению министра, было *православие*, неразрывно связанное с *самодержавием и народностью*. Названные начала провозглашались национальными, на них предполагалось укрепить «якорь нашего спасения». «Без любви к вере предков, – замечал Уваров, – народ, как и частный человек, должен погибнуть. Русский, преданный отечеству, столь же мало согласится на утрату одного из догматов нашего православия, сколь и на похищение одного перла из венца Мономахова. Самодержавие составляет главное условие политического существования России. Русский колосс упирается на нем, как на краеугольном камне своего величия»²⁰⁹.

Таким образом, декларировалась *неразрывная связь* православия (разумеется, в лице Церкви) и императорской власти на основе идеи народности. Следовательно, религиозная политика имперских властей, прежде всего, должна была направляться на укрепление той политико-идеологической схемы, которая провозглашалась оптимальной для государства. Уваров искренне полагал, что необходимо спасти слишком «юную» Россию от революционных потрясений, переживавшихся в 1830–1840-х гг. в Европе, посреди быстрого падения там «религиозных и гражданских учреждений»²¹⁰, и воспитать ее. «Если мне удастся отодвинуть Россию на 50 лет от того, что готовят ей теории, – говорил министр, – то я исполню мой долг и умру спокойно. Вот моя теория; я надеюсь, что это исполню»²¹¹.

Синодальное управление Православной Церковью можно считать важной частью российской имперской традиции, к николаевскому времени насчитывавшей уже более 100 лет. «Исправлять» это управление, разумеется, никто не собирался, но его «укреплению» в духе Петра Великого препятствий не было. По словам А. Е. Преснякова, православие в эпоху Николая I – одна из опор власти, «вполне реальная система церковного властвования над духов-

²⁰⁸ О декабристах см. напр.: *Нечкина М.* Движение декабристов. М., 1955. Т. I, II; *Йосифова Б.* Декабристы. М., 1989; *Гордиш Я.* Мятёж реформаторов. Л., 1989; *Декабристы и их время* / Ред. В. М. Бокова. М., 1995; *Ильин П. В.* Новое о декабристах. Прощённые, оправданные и не обнаруженные следствием участники тайных обществ и военных выступлений 1825–1826 гг. СПб., 2004; *Андреева Т. В.* Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009; *Мирошенико С. В.* Александр I и декабристы: Россия в первой половине XIX века. Выбор пути. М., 2016; *Потапова Н.* Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб., 2017; и др.

²⁰⁹ Эпоха Николая I... С. 116.

²¹⁰ Там же. С. 115.

²¹¹ Цит. по: *Никитенко А. В.* Моя повесть о самом себе... Т. I. С. 267. Запись от 8 августа 1835 г.

ной жизнью “паствы”, притом церковность – орудие политической силы самодержавия, вполне покорное гражданской власти под управлением синодального обер-прокурора»²¹².

Значило ли это, что Николай I был всего лишь политический циник, использовавший свою власть в Церкви сугубо для достижения тех или иных политических целей?

Полагаю, что так сказать нельзя: император осознавал себя православным человеком, религиозно воспринимая свое самодержавное служение. Без этого трудно объяснить и ту церковную политику, которая проводилась на протяжении почти 30 лет его царствования в России. Полагая лучшей теорией права – добрую нравственность, Николай I смотрел на человеческую жизнь (в том числе и на свою собственную) лишь как на службу. Не испытывая и тени сомнения в том, что его власть законна, он требовал от подданных безусловной покорности, в свою очередь проявляя покорность по отношению к идеалу избранника Божьей власти. «Его самодержавие милостью Божией было для него догматом и предметом поклонения, – вспоминала фрейлина императрицы Александры Федоровны А. Ф. Тютчева, – и он с глубоким убеждением и верой совмещал в своем лице роль кумира и великого жреца этой религии»²¹³.

Николай I только потому был «кумиром и жрецом» самодержавия, что воспринимал его исключительно как религиозный феномен. Связь самодержавия и православия была для него так же естественна, как и убежденность в том, что он – олицетворение самого государства²¹⁴. К тому же не стоит забывать и еще одно важное обстоятельство: в царствование императора Николая I окончательно завершился петровский, подражательный период русской истории. «Рука об руку с небывалым политическим могуществом и влиянием в Европе шло пробуждение национального – если не самосознания, то самочувствия, которое с тех пор все растет и усиливается непрерывно». Действительно, искание чего-то нового, соответствовавшего народившемуся народному чувству, нашло выражение и в искусстве, и в науке, и в правительственных действиях. «На этой почве выросли и славянофильское, и западническое направления»²¹⁵; точно также, видимо, на этой самой почве сумела оформиться и «теория официальной народности».

Однако имело место одно принципиальное «но»: любая инициатива, как и прежде, должна была исходить только от самого самодержца. Все в империи подчинялось лишь его распоряжениям, так как его взгляды на добро и зло, на то, что есть польза, а что вред не могли ни обсуждаться, ни критиковаться публично²¹⁶. Эти правила распространялись и на Православную Российскую Церковь, иерархи которой должны были всегда помнить о своей зависимости от светской власти. В эпоху Николая I эта зависимость демонстрировалась достаточно прямолинейно: епископы, как и чиновники, получали высочайшие выговоры за провинности; как и в прежние годы постоянно перемещались с места на место; должны были оказывать губернатору того города, в котором служили, «всяческое уважение», являясь перед светским чиновником по первому его требованию. Никто из архиереев николаевского времени не мог управлять паствой без вмешательства светской власти²¹⁷. Но, следуя логике «теории официальной

²¹² Там же. С. 295.

²¹³ Тютчева А. Ф. При Дворе двух императоров... Т. I. С. 96.

²¹⁴ «История его царствования, история его родины и его народа – это был он и исключительно он» (Там же. С. 99).

²¹⁵ Кавелин К. Д. Злобы дня // *Его же*. Наш умственный строй... С. 497.

²¹⁶ «Должно повиноваться, а рассуждения свои держать про себя», – написал однажды Николай I по поводу журнала «Современник» (Мельгунов С. П. Эпоха «официальной народности» и крепостное право // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. М., 1911. Т. III. С. 13).

²¹⁷ Римский С. Российская Церковь в эпоху Великих реформ... С. 75. Всего за николаевское царствование архиереям Российской Церкви было сделано 11 выговоров, замечаний и строгих замечаний – как высочайших, так и синодальных. Эта цифра не учитывает выговоры и замечания, ставшие следствием произведенных ревизий. Семь архиереев за годы царствования Николая I в качестве наказания были смещены со своих кафедр и переведены на более отдаленные – с понижением, или отправлены на покой (см.: Материалы для истории Православной Церкви в царствование императора Николая I... Т. 113. Кн. 2. С. 340–341).

народности» (в николаевском ее понимании), правомерно утверждать, что никакого вмешательства и не было – было (точнее сказать – должно было быть) содружество духовных и светских властей. О таком содружестве Н. М. Карамзин писал еще в 1811 г. в «Записке о древней и новой России»: «Дворянство и духовенство, Сенат и Синод как хранилище законов, над всеми – государь, единственный законодатель, единовластный источник властей»²¹⁸.

«Единственный законодатель», Николай I и в Церкви старается навести порядок – как он его понимал. Усиливая власть обер-прокурора Св. Синода, император в конце концов построил «ведомство православного исповедания», во главе которого стоял светский чиновник с министерскими полномочиями. История постепенного превращения синодального обер-прокурора в фактического «министра православного исповедания» может быть прослежена на примере трех руководителей духовного ведомства, последовательно сменявших друг друга: князя П. С. Мещерского, С. Д. Нечаева и графа Н. А. Протасова. Князь был уволен в отставку в апреле 1833 г., и, хотя назначение сенатором нельзя было рассматривать как пример опалы, причина перевода заключалась в несоответствии должности, «которая вовсе не призвана была играть пассивной роли, с точки зрения правительства, а напротив быть действительной властью». Правда, князь не подавлял своим мнением Св. Синод²¹⁹, но это скорее являлось следствием его «пассивности», чем результатом осознанно проводившейся церковной политики.

Сменивший П. С. Мещерского С. Д. Нечаев не был близок ко Двору и не пользовался благоволением императора. Лично Николай I его не принимал, передавая распоряжения через посредников. Точно так же и обер-прокурор свои доклады передавал через дежурных статс-секретарей. Причина такого положения – стечение обстоятельств. Николай I не был знаком с Нечаевым до назначения последнего, но его рекомендовали с самой лучшей стороны (очевидно, как исполнительного и дисциплинированного чиновника) и царь ни разу не пожалел о выборе. Совершенно иное мнение об обер-прокуроре сложилось у членов Св. Синода, где он не стесняясь показывал свою власть, всячески стараясь уменьшить значение высшего церковного правительства. Если решения синодалов оказывались противоположны его собственным видам, то обер-прокурор не исполнял этих решений, в некоторых случаях позволяя себе даже кричать на иерархов. Он делал выговоры и внушения епархиальным архиереям, пугая их отправкой на покой. В инспекционных поездках Нечаев держал себя как власть, перед которой любой представитель духовенства стоял ниже²²⁰

²¹⁸ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России... С. 109.

²¹⁹ Гурьев Н., свящ. Обер-прокурорская власть в царствование императора Николая I... Л. 128.

²²⁰ Там же. Л. 131, 131 об., 133.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.